

Г. Б. ЖИЛИНСКИЙ
ОЛОВЯННЫЕ ГОРЫ
ГЕОЛОГА МИЛЯЕВА

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Магаданское
книжное
издательство
1985

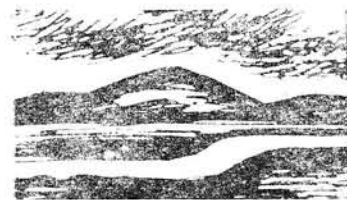
Владимир Николаевич Мил яев

Г. Б. ЖИЛИНСКИЙ

ОЛОВЯННЫЕ ГОРЫ ГЕОЛОГА МИЛЯЕВА

О первооткрывателе
Иультинского оловянно-вольфрамового
месторождения

Художник В. Яценко

Ж 0505040000—035
М—149(03)—85 — 43—85

© Магаданское книжное издательство, 1985

ОБ АВТОРЕ

Предлагаемая читателю книга посвящена простому советскому человеку — неутомимому труженику, талантливому геологу-первопроходцу, открывшему на территории Восточной Чукотки первое крупное месторождение олова и вольфрама, доблестному защитнику нашего социалистического Отечества в грозные годы Великой Отечественной войны — Владимиру Николаевичу Миляеву.

Далеко не случайные обстоятельства привели автора книги именно к этой теме. Герман Борисович Жилинский относится к славной плеяде геологов, которые теперь уже в далекие довоенные годы вели геологические съемки и поиски на белых пятнах Северо-Востока.

В 1938—1939 годах молодой геолог Г. Б. Жилинский проходит «полевую закалку» в районах Центральной Колымы, а затем на протяжении десяти лет работает на территории Чукотки. Здесь он обнаруживает проявления россыпного золота, затем становится инициатором смелого прогноза и обоснования перспективности поисков золота в Чаунском районе, на площади которого им была открыта и разведана первая промышленная россыпь этого драгоценного металла. Автор причастен также к делам расширения сырьевой базы Чукотки для развития добычи олова и вольфрама.

Иульгинское месторождение в жизни Г. Б. Жилинского занимает особое место. Так случилось, что именно ему довелось продолжить дело Миляева — участвовать в дальнейшем изучении и подготовке к освоению его дитища, прокладывать путь к сокровищам месторождения. Он является соавтором работ по обоснованию разведки, подсчета запасов и оценки перспектив этого месторождения. Его монография «Иульгинское рудное поле» на протяжении многих лет служила пособием для геологов-разведчиков этого района. Здесь началось приобщение автора к серьезной научно-исследовательской деятельности, которой он посвятил все последующие годы, работая в Казахстане, Якутии и снова в Магаданской области.

Ныне Г. Б. Жилинский заслуженный деятель науки и член-коррес-

пленник Академии наук Казахской ССР, профессор, лауреат Ленинской премии, первооткрыватель месторождений олова, золота, редких металлов. Он автор многочисленных научных работ в области геологии, минералогии, геохимии.

Г. Б. Жилинский известен читателям и как автор ряда научно-популярных и документальных произведений. В его книге «Следы на земле», опубликованной Магаданским книжным издательством в 1975 году, изложены воспоминания о работе первых геологических экспедиций на Чукотке, об открытиях, трудностях и радостях жизни геологов.

В настоящей книге мы находим продолжение этой темы и волнующие сведения о первооткрывателе Иультинского месторождения В. Н. Миляеве, с которым Г. Б. Жилинский был лично знаком.

Автору этих строк тоже довелось участвовать в разведке Иультинского месторождения, затем многие годы возглавлять геологическую службу горно-обогатительного комбината, созданного на базе этого месторождения.

В официальных отчетах прошлых лет сообщалось сухо и лаконично: «Месторождение было открыто в 1937 году геологом Второй Чукотской экспедиции ГУСМП В. Н. Миляевым». И вот Г. Б. Жилинский взял на себя труд рассказать об обстоятельствах открытия этого месторождения, о личности и судьбе первооткрывателя.

Книга основана на большом фактическом материале, на воспоминаниях людей, лично знавших В. Н. Миляева. Нужно отдать должное Г. Б. Жилинскому за большой исследовательский труд, за огромное стремление к поиску истины, за все сделанное для утверждения доброго имени реального героя описываемых событий.

Автор дополнил частицу истории края интересными подробностями, проследил нити судьбы первооткрывателя, создал запоминающийся образ мужественного, энергичного, честного и доброго человека.

Эту книгу с несомненным интересом прочтут люди разных поколений.

*П. З. АКИНЬШИН,
кавалер ордена Трудового Красного Знамени
и почетного знака «Ветеран
золото-платиновой промышленности» I степени*

К ПРЕДЫСТОРИИ ИУЛЬТИНА

Многими полезными ископаемыми богаты недра нашей Родины, но когда в конце двадцатых годов начиналась индустриализация народного хозяйства страны, то выяснилась острая нехватка своего олова. Покупать же его было негде, ибо капиталистические страны, монопольно владевшие мировыми ресурсами олова, не продавали молодой и еще неокрепшей Стране Советов этот стратегический металл. Вот почему еще до принятия плана первой пятилетки партия и правительство поставили перед советскими геологами задачу: найти во что бы то ни стало крупные промышленные месторождения олова.

С этой целью были развернуты широкие геолого-поисковые работы во многих районах страны и прежде всего в тех, где сохранились следы древней культуры бронзового века. Ведь бронза — это сплав олова с медью. Там, где наши древние предки выплавляли бронзу, должны были поблизости находиться и месторождения руд этих двух металлов. Следы культуры бронзового века на территории нашей страны протянулись в сторону Средней Азии и Казахстана. Поэтому первые крупные оловопоисковые экспедиции в начале тридцатых годов были сразу направлены на Памир (Туркестанский хребет) и в Восточный Казахстан (Калба и Нарым). Геологи действительно там нашли месторождения этого металла, но все они были небольшими и бедными по содержанию олова в руде.

И вдруг в 1933 году обнадеживающие сведения поступили с Колымы и Чукотки, из районов, где никаких следов бронзового века никогда не встречалось. Самыми интересными оказались находки геологов на Чукотке. Геолог С. В. Обручев собрал крупные обломки темных, почти

черных на вид кварцево-турмалиновых жильных пород в каменной осыпи у подножия береговых скал мыса Валькумей на Певекском полуострове (Чаунская губа), в двенадцати километрах южнее нынешнего города Певека. Оловосодержащий минерал касситерит в этих обломках был настолько мелким, что его удалось увидеть только под микроскопом. Но еще до того химические анализы собранных Обручевым образцов показали очень высокое содержание в них олова. Во всех шлиховых пробах, взятых Обручевым на Певекском полуострове, тоже было обнаружено много зерен касситерита.

Геологи В. И. Серпухов и Д. Ф. Байков, работавшие к югу от мыса Северного (теперь мыс Шмидта), нашли тогда же, в 1933 году, целые глыбы мягкого кварца с вкраплениями крупных (до 2 сантиметров) кристаллов касситерита. Сделанный позднее химический анализ образца руды показал в ней очень высокое содержание олова (22,04 процента!). Эта находка обнаружена почти на пятьсот километров восточнее Чаунской губы, поэтому стало ясно, что на Чукотке имеется обширный оловоносный район и что там следует ожидать открытия крупных промышленных месторождений олова.

Нельзя сказать, что открытия Обручева, Серпухова и Байкова были неожиданными, хотя Чукотка в то время для геологов была почти сплошным белым пятном, и следов культуры бронзового века там тоже никогда не находили. Дело в том, что на соседней Аляске (на полуострове Сьюорд) уже были известны не только месторождения золота, но и олова — небольшие, но все же промышленные месторождения. Кроме того, еще в 1914 году горный инженер С. Д. Оводенко доставил в Академию наук подобранный им на мысе Чаплина гальку оловянного камня.

Были уже и общегеологические предпосылки, на основании которых крупные ученые-геологи (С. С. Смирнов, Д. И. Щербаков и другие) считали весь Северо-Восток СССР перспективным не только на золото, но и на олово.

Как бы там ни было, но открытия, сделанные Обручевым, Серпуховым и Байковым, воодушевили всех, кто был близок к проблеме олова. И уже в следующем, 1934 году на Чукотку направили несколько крупных оловопоисковых геологических экспедиций: Восточно-Чукотскую, Первую Чаунскую и Вторую Чукотскую. Две первые комплектовались Всесоюзным Арктическим институтом (в Ленинграде), а третья — Горно-геологическим управлением Главсевморпути (в Москве).

Восточно-Чукотская экспедиция в составе геологов А. В. Андрианова, А. Ф. Головачева, А. П. Никольского, М. И. Рабкина, Н. И. Тихомирова работала на самой восточной оконечности Чукотского полуострова (к востоку от бухты Руддера и Колючинской губы). Этой экспедиции не повезло — никаких месторождений, заслуживающих внимания, обнаружить не удалось.

Первая Чаунская экспедиция направлялась на Певекский полуостров для детализации открытых С. В. Обручевым рудопроявлений на мысе Валькумей. Экспедицию возглавлял Н. И. Сафронов, а геологами были М. И. Рохлин и М. Л. Молдавский. Результаты работ этой экспедиции оказались отличными. Кроме установления большого промышленного значения Валькумейского месторождения были найдены новые: на горе Янрапаак и в бассейне реки Куйвиеем.

Все, что касается Первой Чаунской экспедиции, работавшей на Певекском полуострове и в районе мыса Шелагского, достаточно подробно описано Рохлиным и другими участниками тех событий. А вот о первых годах работы Второй Чукотской экспедиции никто из ее участников ничего не опубликовал. А ведь это имеет прямое отношение к предыстории открытия Иультина и поэтому представляет для нас особый интерес.

Вот почему об этой экспедиции необходимо рассказать все, что удалось выяснить.

Вторую Чукотскую экспедицию Главсевморпути, учиты-

вая важность задачи и труднодоступность района предстоящих работ, решил возглавить сам начальник Горно-геологического управления ГУСМП М. Ф. Зяблов. Геологами в эту экспедицию поехали Ю. А. Кремчуков, С. В. Культиасов и М. Д. Бритаев.

В задачи экспедиции входило найти оловорудные «точки Серпухова и Байкова», оценить их и провести поиски других месторождений в центральной части Чукотского полуострова. Но, к сожалению, рудных «точек Серпухова и Байкова» экспедиции Зяблова найти не удалось, и с тех пор они стали называться «легендарными». Их искали и после Зяблова, но до сих пор так и не нашли.

Никаких претензий Серпухову и Байкову предъявить нельзя, ведь они работали без карт, составляли их сами, определяя направление пути по горному компасу, а расстояния отсчитывая шагами. Но ведь шли они не по асфальту и не налегке, а с двухпудовым грузом — по горам и тундре, прыгая иной раз с глыбы на глыбу или утопая в болоте. Где уж тут до счета шагов! А прошли они почти 6000 километров, и ошибки накапливались с каждым шагом. Короче, по составленной ими карте невозможно что-либо найти, в том числе и эти злополучные рудные точки!

М. Ф. Зяблов, несомненно, был хорошим организатором. Начав подготовку к предстоящим работам в самом сердце Чукотского полуострова, он детально продумал пути и методы достижения поставленной цели, добился практически осуществления смелых новаторских решений. Вот, в частности, что написал об этом полярный летчик М. Н. Каминский: «...Зяблов понимал, что ждет его на Чукотке. Это не Певек, где месторождение оказалось на расстоянии вытянутой руки. Еще никому не удавалось проникать в центр загадочного Анадырского хребта так далеко, как задумал Зяблов. Путь к «точке Серпухова» далек, труден и пролегал по неизведанным местам. А что, если попробовать хоть часть этого пути одолеть на самолете!..» И он добился, чтобы экспедицию обслуживали легкие самолеты полярной

авиации (У-2 и Р-5), на которых храбрые пилоты В. Богданов, Г. Катюхов, М. Каминский, В. Сургучев и другие сделали для геологов так много, что те по праву считают летчиков соавторами многих своих открытий.

Новым и совершенно правильным решением Зяблова было начать продвижение к «точкам Серпухова и Байкова» из залива Креста, а не с севера — не с мыса Шмидта, как шли к ним сами Серпухов и Байков. Ведь в заливе Креста продолжительность лета на целый месяц дольше, чем на мысе Шмидта, дольше продолжается и летняя навигация, есть хорошие бухты, удобные для разгрузки кораблей, и много других преимуществ по сравнению с северным побережьем Чукотки. Расстояние же до точек только чуть больше.

Пожалуй, единственной ошибкой Зяблова было то, что он не привлек к участию в экспедиции самого Серпухова или Байкова, то есть тех людей, которые знали, где находятся открытые ими рудные точки.

Экспедиция Зяблова в составе около 50 человек работала на Чукотке до осени 1936 года и охватила своими исследованиями огромную площадь — почти весь бассейн реки Амгуэмы. Хотя геологам этой экспедиции найти рудных «точек Серпухова и Байкова» так и не удалось, зато они во многих местах установили небольшие рудопроявления полиметаллов, молибдена и других редких металлов. Это послужило основанием для продолжения начатых работ в следующем году, но уже менее многочисленным составом.

Осенью 1936 года весь личный состав экспедиции М. Ф. Зяблова отбыл в Москву, а на смену ему прибыли новые люди во главе с геологом Ю. А. Одинцом. В составе прибывшей смены были еще два геолога — это В. Н. Миляев и А. Г. Шпилюкко, а также топограф В. Н. Ганешин. Всего 15 человек.

Вот, пожалуй, и вся предыстория, предшествовавшая открытию Иультинского месторождения. С этого времени

прошло уже более пятидесяти лет, и в разных изданиях стали появляться различные версии относительно того, как и кем было открыто это месторождение. И, к сожалению, не только версии, но и официальные юридические акты, согласно одному из которых диплом и знак «Первооткрыватель месторождения» были выданы за Иультинское месторождение другому геологу, не имевшему никакого отношения к его открытию.

Вот почему хотелось достоверно, на основании документальных данных, знать, как было открыто Иультинское месторождение.

Открыл это месторождение в 1937 году геолог Владимир Николаевич Миляев. Кто же такой Миляев? Какое значение имело его открытие для страны и что успел сделать сам Миляев для быстрого освоения открытого им уникального месторождения? Кто были его спутники в том счастливом маршруте? Почему сам Миляев так скоро уехал с Чукотки и навсегда распрощался со своим дорогим детищем? Как сложилась дальнейшая судьба человека, сделавшего такое выдающееся открытие? Как и под влиянием кого Миляев стал хорошим геологом и отличным поисковиком?

Эти и многие другие вопросы возникли, когда меня попросили написать об истории освоения Иультинского месторождения, о моих годах работы в Чукотстрое, когда началось строительство Иультинского ГОКа и когда закладывались самые первые камни в фундамент дальнейшего освоения минеральных богатств Чукотки.

Первоначально предполагалось, что это будет только небольшая глава — документальная справка о Миляеве, но когда начались поиски документов и других материалов, то их набралось на целую книгу.

Со времени интересующих нас событий прошло уже много лет, поэтому поиски материалов о Миляеве оказались трудными и затянулись на восемь лет, зато удалось проследить почти всю его жизнь и даже найти в Венгрии

братскую могилу советских воинов, в которой покоится и прах Миляева.

В поисках и сборе материалов о Миляеве активно помогали его ближайшие родственники, бывшие сослуживцы, однокашники и друзья. Особенно ценной была помощь его братьев Льва Николаевича и Аркадия Николаевича, жены последнего Антонины Ивановны, вдовы Миляева Валентины Васильевны, их дочери Валерии Владимировны, друга школьных лет Алексея Ильича Бортникова, первого наставника и учителя по геологии Дмитрия Ивановича Яковлева, сослуживцев Миляева по работе в Голодной степи, на Памире, Чукотке, в Приморье и Восточном Казахстане и многих других.

В розыске документов о фронтовом пути Миляева большую помощь оказали работники Центрального музея Советской Армии (в Москве) и Центрального архива Министерства обороны СССР (в Подольске).

Разыскать братскую могилу советских воинов, в которой покоится прах Миляева, нам помогли командиры одного из воинских подразделений в Венгрии и солдат срочной службы В. И. Кислицын, приславший фотографии этого захоронения, а о том, чтобы привести эту могилу в должный вид, позаботилось Министерство обороны Венгерской Народной Республики.

Всем названным выше лицам и организациям выражаю свою благодарность за содействие и помощь в работе.

Особо нужно отметить большое участие и заботу руководителей Иультинского ГОКа и исполкома Иультинского поселкового Совета народных депутатов по увековечению памяти геолога Миляева Владимира Николаевича — подлинного героя войны и труда.

Поиски материалов о Миляеве продолжаются, и эту работу теперь активно ведут сотрудники Магаданского областного краеведческого музея, в котором заведена персоналия на Миляева и в фондах которого теперь хранятся многие документы и материалы о нем. Будут переданы ту-

да и все материалы, которые были использованы автором в процессе написания этой книги.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ДЕТСТВА

Двадцать четвертого сентября 1906 года в городе Бийске Алтайского края в семье Николая Яковлевича и Лидии Иннокентьевны Миляевых произошло радостное событие — у молодой четы родился сын. Своего первенца родители назвали Владимиром.

Отец Володи был мелким конторским служащим, мать — домохозяйкой. И неизвестно, как бы сложилась дальнейшая жизнь Миляевых, кем бы стал потом Володя, если бы после появления на свет второго ребенка — братишки Левы, нужда не заставила семью Миляевых отправиться в дальний путь.

Дело в том, что жалованье главы семейства было небольшим и его едва хватало, чтобы свести концы с концами. И вот в поисках лучшей жизни Миляевы в 1910 году решили переехать в Семиречье.

До Семипалатинска они добрались сравнительно легко — на поезде. А вот дальше на юг железной дороги тогда еще не было. И пришлось Миляевым пристроиться к обозу семиреченских казаков, которые летом часто приезжали в уездный город Семипалатинск за всевозможными промышленными товарами да за солью. Целый месяц вместе с ними добирались Миляевы в кибитке, запряженной медлительными волами.

После того как проехали Сергиополь (теперь Аягуз) и прибыли в Гавриловку (теперь Талды-Курган), расположенную в самом сердце Семиречья, у подножия гор Джунгарского Алатау, часть каравана закончила свой путь, а остальные, сменив быков и лошадей и немного передохнув, снова двинулись в путь по направлению к городу Верному (теперь Алма-Ата). Через несколько дней обоз при-

был в Верный — долгий путь Миляевых на юг завершился благополучно.

Город Верный в то время был небольшой казачьей станицей, на тысячу верст удаленной от ближайших железных дорог. Земли там плодородные, климат мягкий, не то, что в Сибири. Продукты сельского хозяйства сбывать было некуда и потому стоили они дешево.

В Верном отец Володи устроился на работу приказчиком к известному семиреченскому купцу-богатею Пугасову, который имел в городе большую мельницу, кожевенные и мыловаренные заводы в окрестных селах и разное другое кустарное производство.

Жили Миляевы на частных квартирах. И заработка отца для быстро разраставшейся семьи, которая насчитывала уже девять душ вместе с родителями, явно не хватало. Поэтому Миляевы обзавелись небольшим личным хозяйством — купили лошадь, корову, завели кур, огород и фруктовый садик. Благо, Верный в то время был по существу деревней, и сельским хозяйством занималось большинство его жителей. Жизнь на новом месте постепенно стала налаживаться.

Переезд семьи Миляевых на жительство в город Верный не мог не отразиться благотворно на общем развитии детей, особенно самого старшего из них — Володи. И если попытаться поискать корни его увлечения геологией, то без преувеличения можно сказать, что они зародились в самом раннем детстве. Действительно, не могло не запечатлеться в памяти четырехлетнего мальчугана трудное и долгое путешествие с родителями из Сибири в Казахстан через горы и степи. Глубокий след должен был остаться у Володи и от пережитого на другой год после приезда в Верный катастрофического Кебинского (названного так по эпицентру) землетрясения, в результате которого город Верный был полностью разрушен.

Еще одно грозное явление природы снова обрушилось на город в 1921 году, когда Володе исполнилось уже пятнадцат

цать лет. Тогда Верный снова сильно пострадал от грязе-каменного горного потока. Несчастье обрушилось на город в ночное время, и это усугубило последствия разбушевавшейся стихии. В считанные минуты сотни домов были разрушены грозным селевым потоком.

Землетрясения и сели в здешних краях — частое явление. А ведь все это геологические процессы. И поэтому Володя еще в детские годы, быть может, подсознательно, но уже проявлял интерес к этим явлениям.

Кроме того, живя на границе безводных пустынь и высоких гор, много путешествуя по окрестностям Верного (сначала с отцом, а потом и со сверстниками), Володя, будучи любознательным с детства, мог наблюдать работу ветров, поднимающих пыльные тучи и передвигавших барханы сыпучего песка, которого так много в Илийской долине, работу горных рек, пропиливших в твердых скалах глубокие ущелья, следы движения могучих ледников, выпахавших корытообразные долины — трог и нагромодивших повсюду груды моренных валунов, и многое, многое другое.

Для жителей небольшого захолустного городка, каким был тогда Верный, не могли оставаться незамеченными и довольно частые наезды сюда крупных ученых — географов и геологов, которые совершались все чаще и чаще то в связи с очередным землетрясением или селом, то в связи с экспедициями из Москвы, Ленинграда или Томска для изысканий по трассе строительства Турксиба или для поисков месторождений полезных ископаемых, которыми так богаты недра Казахстана. В 1921 году Верный был переименован в Алма-Ату, и сюда из Кызыл-Орды была перенесена столица Казахстана.

Ввиду частых переездов семьи Володе много пришлось попутешествовать в детские годы. У отца не было определенной специальности, но будучи человеком грамотным, он охотно брался за любую работу. Так, в 1920 году Советская власть национализировала все имения купца Пугасова,

и Николая Яковлевича — отца Володи перевели на винокуренный завод в село Талгар, что в тридцати километрах восточнее Алма-Аты. В 1922 году его назначили заведовать кожевенным заводом в селе Чилик, что в 100 километрах от Алма-Аты. В 1927 году завод в Чилике закрыли, и семья Миляевых переехала в село Тургень, где отец Володи работал на лесоразработках Турксибстроя, которые производились в живописных долинах северного склона Заилийского Алатау. В 1930 году вся семья Миляевых снова переехала в Талгар, где Николай Яковлевич стал заведовать лесопильным заводом. И всюду Володя находил себе друзей, в том числе и среди местного населения. Он научился хорошо говорить по-казахски, и потом, когда пришлось работать в Голодной степи, ему это очень пригодилось. Но, несмотря на частые переезды родителей, учился Володя постоянно в Алма-Ате и жил на частных квартирах, что рано приучило его к самостоятельности.

Еще в школьные годы Володя вступил в комсомол, активно участвовал в общественной работе: был членом редколлегии школьной стенгазеты, участником художественной самодеятельности (хорошо играл на мандолине, декламировал стихи, пел в хоре). В составе комсомольских агитбригад он выезжал в окрестные села, выступал перед тружениками рабочих поселков.

Дом, в котором чаще всего квартировал Володя в свои школьные годы, находился в районе Пугасова моста (теперь здесь Дворец имени В. И. Ленина), откуда начинался подъем на Коктюбе. Домик утопал в яблоневых садах и был в удалении от шумных тогда, но очень пыльных улиц.

Алма-Ата в те годы была в основном одноэтажным городом, здесь преобладали частные дома самой простой архитектуры. Улиц с твердым покрытием не было, тротуаров тоже. Вдоль всех улиц по арыкам журчала вода, неся в жаркие дни приятную прохладу. По краям арыков росли высокие пирамидальные тополя, развесистые дубы, карагачи,

клёны или белые акации. Город буквально утопал в зелени, во всех дворах были большие фруктовые сады.

В 1934 году столица Казахстана в архитектурном плане уже начала преобразовываться, но строились в основном двухэтажные дома легких щитовых конструкций из дерева и камыша. Камышитовые маты были самым ходовым строительным материалом. Считалось, что возводить более крупные здания из других строительных материалов в Алма-Ате нельзя из-за высокой сейсмичности.

На многих улицах тогда валялись огромные гранитные валуны, напоминающие о грязе-каменном потоке 1921 года, наделавшем немало бед в городе. Некоторые улицы были еще в рывинах, заросших травой. Но уже довольно четко обозначились главные транспортные магистрали, такие, например, как Ташкентская аллея, Копальский тракт, улицы Горная, Фурманова, Торговая (ныне Горького), проспект Ленина, Головной арык и другие.

Городским транспортным средством были в основном лошади и ишаки, впряженные в тарантасы или арбы на двух огромных колесах. Но с каждым годом росло число автомобилей. Колесный транспорт перемалывал, как жерновами, легкую суглинистую почву дорог и превращал ее в тонкую, как пудра, пыль. Она, если долго не было дождей, доверху заполняла глубокую колесную колею, и при движении транспорта поднимались густые столбы пыли, так омрачавшей жизнь горожан. Но зато, когда над городом проливался дождь, вся природа преображалась! Естественный водяной душ омывал от пыли зеленую листву деревьев. Воздух становился прозрачным, все краски ярче, исчезала пыльная дымка, скрывавшая вершины гор, ярко блистали белоснежные ледники. В такие дни Алма-Ата была особенно красива.

Основная масса жителей тогда еще занималась сельским и личным хозяйством. Многие проводили лето за пределами города — на огородах, бахчах, пасеках, в фруктовых садах, кольцом которых была окружена Алма-Ата. Ну

а подростки и дети предпочитали проводить свободное время в походах. Особенно живописны подступающие к самому городу хребты Заилийского Алатау и их предгорная часть — прилавки.

Прилавки в школьные Володины годы представляли собой непроходимые заросли шиповника, барбариса, боярышника, диких яблонь, урюка, терна (алычи), всевозможных лиан, курая и другой буйной растительности. Эти семиреченские «джунгли» начинались буквально за оградой дома, и Володя находил там много интересного.

Сейчас эти места и все окрестности Алма-Аты объявлены заповедными — с ружьем там ходить нельзя. Но тогда!

На склонах прилавков в густых труднопроходимых зарослях обитало много перепелок, куропаток, фазанов, а в глубоких оврагах и распадках водились даже дикие кабаны, совершавшие нередко опустошительные набеги на пригородные огороды.

Выше над прилавками, где начинается живописнейший лес из высоких и стройных тянь-шанских елей, даже и теперь можно встретить небольших горных ланей — еликов, водятся лисы и барсуки. Еще выше и на не заросших елями склонах — царство альпийских лугов, благодатные летние пастбища — джайлау.

От верхней границы альпийских лугов начинается горная тундра. Здесь обитают архары, а еще выше, среди мрачных скал и в каменных осыпях переходной зоны к царству вечных снегов, тогда водилось много горных козлов — тау-теке, а из пернатых — кекликов и уларов. Редко, но все же можно было повстречать снежного барса.

По-своему живописны и интересны также примыкающие к городу с севера степи и полупустыни. Ранней весной они покрываются ярким ковром цветущих желтых тюльпанов и красных маков. Но уже в конце мая травы выгорают от солнца, и степь превращается в покрытую колючками желтую, безжизненную, на первый взгляд, пустыню. Но так только кажется, на самом же деле и здесь жизнь бьет клю-

чом — в песках и колючках обитают змеи, ящерицы, черепахи, суслики, тушканчики и разнообразные насекомые, в том числе фаланги, скорпионы, каракурты.

Отец Володи был страстным охотником, и он часто брал с собой на охоту старшего сына. Так Володя еще в юности стал заправским охотником и следопытом.

В любое время года, прихватив котомку и взяв ружье, он со своими сверстниками нередко отлучался из дома на несколько дней в горы или на берега большой реки Или. Володя был хорошим ходоком и любил совершать дальние походы.

В этих трудных, но увлекательных походах выковывались выносливость, твердость характера, крепились чувства товарищества, взаимовыручки, закреплялись основы тех человеческих достоинств, которые потом неизменно находили у Володи все близко знавшие его люди. Все это — любовь к природе, постоянное общение с ней, стремление проникнуть в ее тайны, необыкновенная любознательность и наблюдательность — и подготовило Володю к тому, чтобы стать не просто геологом, а талантливым геологом-поисковиком, безгранично влюбленным в свое дело.

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ГЕОЛОГИИ

Когда Володя Миляев окончил школу и встал вопрос о выборе профессии, то оказалось, что он может устроиться на работу только лесничим, лесозаготовителем или конторским служащим, то есть пойти по стопам отца. Широкого выбора профессий в те годы в Алма-Ате просто не было — город был еще в основном аграрным. Уезжать же далеко от дома Володя даже не помышлял — был еще очень молод и слишком привязан к этому краю, к его чудесной природе.

Все решил непредвиденный случай. Вот как об этом вспоминает школьный товарищ и лучший друг Володи Ми-

ляева, ныне, к сожалению, уже покойный Алексей Ильич Бортников — художник, заслуженный деятель искусств Казахской ССР.

«Познакомился я с Володей Миляевым, когда вместе учились в средней школе № 14 имени Великой Русской пролетарской революции*. Он часто бывал в нашей семье. В свою очередь и я на каникулы ездил в гости к Володе. Родители его жили тогда в поселке Лавар. Здесь мы вволю совершали походы и в степь, и в сторону реки Или, и в Каратурукские горы.

Любовь к природе и романтический склад мыслей особенно сближали нас. Мы зачитывались Майн Ридом, Жюль Верном и Луи Буссенаром, мечтали о путешествиях. В любое время года любили мы с Володей бродить по живописным окрестностям Алма-Аты. Но особенно тянуло нас в горы. Заповедников в то время никаких не было. Зверья и птиц всевозможных множество, даже архары спускались до самых прилавков.

Эти многодневные походы являлись для нас хорошей тренировкой, проверкой на выносливость.

Когда мы с Володей окончили среднюю школу, неожиданно подвернулся случай, который сыграл, я бы сказал, решающую роль в нашей жизни.

Как-то, прогуливаясь по парку, я встретил своего учителя. Он спешил на заседание географического общества, где должен был выступать с докладом приехавший из Ленинграда геолог Дмитрий Иванович Яковлев, и предложил пойти вместе с ним. От доклада, посвященного предполагаемому исследованию Голодной степи, я был в восторге. И когда пошел провожать Яковлева до дома, вернее до лагеря на окраине города, где уже были разбиты палатки и паслись купленные для экспедиции верблюды, то стал упрашивать его взять нас с Володей в предстоящее путеше-

* Школа под таким номером существует в Алма-Ате и сейчас, но, как оказалось, это другая школа.

ствие. Безуспешно уговаривал его взять нас обоих. Яковлев посмеялся над «неразлучными аяксами», но объяснил, что из-за скудных средств, отпущенных на экспедицию, и недостатка лошадей, может взять только одного. Видя мое отчаяние, он посоветовал обратиться за помощью в краеведческий музей.

Надо было видеть, как загорелся Володя, когда я на другой день рассказал ему о встрече с Яковлевым. Немедленно отправились мы к директору музея Дублицкому, который был мне хорошо знаком. Он охотно пошел нам навстречу, заключив договор, по которому мы обязались собрать для музея коллекцию горных пород, змей, пауков, скорпионов, гербарий. Он же в свою очередь обязался оплатить стоимость двух лошадей, седла для которых выдал из фонда музея.

Пока мы занимались покупкой лошадей, Дмитрию Ивановичу пришло время отправляться в путь. Он оставил нам карту с указанием своего маршрута, чтобы мы смогли его догнать. А в случае, если надолго задержимся, то объяснил, как нам проехать на конно-почтовую станцию Курдай, где находился запас овса для лошадей, за которым он должен будет приехать через месяц.

Наконец мы купили лошадей, насушили четыре мешка сухарей и пустились в догонку за Яковлевым. Но в скором времени сбились с пути и попали в такую глухую безводную степь, где за целый день езды не встретишь ни одного живого существа. Стало жутко. С трудом добрались до аула. Казахи на наши расспросы, не проезжала ли здесь экспедиция, отвечали, что никого не видели. А весьма почтенный старец (старейшина аула или рода) выслушал нас внимательно и, когда узнал, что Яковлев через месяц придет на Курдай, предложил гостить в их ауле, сказав, что никуда одних мальчишек не отпустит в безводную пустыню. Через месяц обещал нас отправить с проводником на Курдай, а сейчас приказал своим людям расседлать наших коней и пустить в общий табун.

Итак мы невольно стали гостями кочевников казахов. Прошло уже много лет, и я с благодарностью вспоминаю мудрое решение старейшины аула, и не только за то, что он предотвратил угрозу заблудиться двум мальчишкам в пустыне, а больше за то, что нам представилась возможность окунуться в быт кочевого казахского племени.

Через несколько дней на заре весь аул был на ногах, спешно разбирались и выючились на верблюдов юрты. Все нарядно одетые люди торжественно двинулись из выгоревшей степи в горы, на альпийские луга — джайляу. И нам пригнали наших лошадей, и мы приняли участие в торжественном шествии жителей аула на джайляу.

Мы подружились с джигитами. В разговор обычно вступал Володя, и я с завистью слушал, как он свободно, даже с гортанным акцентом изъяснялся на казахском языке. По пути на стойбищах у ночных костров слушали мы песни степных казахов, ели ароматную баранину, вкусный бешбармак, пили молоко, а когда перекочевали на альпийские луга, то там целыми днями пили кумыс. Аппетиты у нас, молодых ребят, были прекрасные.

Но вот пришло время ехать на станцию Курдай. Очень трогательным было прощание с нашими новыми друзьями. Проводник доставил нас на станцию, где мы встретились с Яковлевым, который долго смеялся над заблудившимися путешественниками.

Теперь мы стали спутниками Дмитрия Ивановича и исполняли любую работу, необходимую в походной жизни. Если мы с детства умели обращаться с лошадьми, то теперь научились проворно выючить и развьючивать верблюдов, ставить палатки, готовить обеды, собирать образцы горных пород и многое другое, что нужно уметь в походной жизни геологов.

В последующие годы, когда Яковлеву было отпущено больше средств, он взял на работу брата Володи Льва с его товарищем Виктором Фидосовым. Таким образом отряд наш пополнился.

Свободное время мы проводили весело, даже издавали свою «бердан-газету», которая берет свое начало не от стены, как «стенгазета», а от берданы*, которой покрывались наши брички и на которую вывешивалась газета. Володя сочинял для «бердан-газеты» остроумные стихи, а я же их иллюстрировал.

А когда добирались до какого-либо оазиса, то быстро ставили палатки, и Володя, будучи по натуре музыкальным, брал мандолину и что-нибудь наигрывал, поражая местных казахов мелодичными звуками своего инструмента.

В оазисах — райских уголках безводной пустыни — мы блаженствовали. Но не раз нам приходилось попадать и в пекло сыпучих песков. Как часто мы страдали от жажды, а один раз чудом спаслись от гибели. Страдали и от соленой воды, от которой пали все лошади, и нам пришлось, бросив в пустыне часть снаряжения, спастись на оставшихся в живых верблюдах, которые сравнительно легко переносят соленую воду.

С первых же шагов Володя по-настоящему увлекся геологией. Он очень старательно собирал образцы горных пород для Дмитрия Ивановича, «музейные», как их называл сам Яковлев, в виде аккуратных подушечек. Однажды, выбивая такие образцы геологическим молотком, Володя поранил себе палец. Рана долго не заживала из-за авитаминоза, так что даже выпала ногтевая фаланга, но Володя, перевязав руку, продолжал работать. Зажила рука лишь тогда, когда нашли дикий лук. Да и вообще трудностей в нашей походной жизни было немало, и Володя, надо сказать, переносил их стоически. Он был терпеливым. Помню, с каким «олимпийским спокойствием» тонули мы на Балхаше и были спасены по счастливой случайности: рыбаки на рассвете заметили исчезновение нашего баркаса, забили тревогу и вышли нам на помощь.

* Так называется сплетенная из раздавленных стеблей камыша циновка, которой обычно покрывают степные повозки.— Г. Ж.

Или вспоминается такой случай. Однажды старый опытный казах-проводник взялся нас провести через труднопроходимую часть пустыни. Путь от колодца к колодцу он знал хорошо, но не учел, что эти места кочевники давно покинули и многие колодцы засыпало песком. Мы взяли с собой в дорогу два больших бидона воды. Первые дни сами пили вволю и лошадям давали понемногу (верблюдам совсем не давали), но когда убедились, что до колодца еще далеко, а вода на исходе, то расход ее стали сокращать и наконец остались без воды. И вот тут мы испытали муки жажды!

Наконец достигли колодца, но и в нем оказалась не вода, а вонючая жижица, в которой было больше полусгнивших змей, мышей, тушканчиков и прочей падали, чем влаги. От зловония кружилась голова. Всю эту гадость спешно процедили через марлю, обезвредили большой дозой марганцовки и, зажав носы, пили в сыром виде, так как не хватило ни сил, ни терпения, чтобы вскипятить. Затем, сколько еще было сил, спускались по веревке в колодец и чистили его, пока не начала поступать вода. Так мы спаслись. А положение было безвыходное, жуткое: мы не имели сил ни вернуться назад, ни идти вперед, послать сигнал бедствия тоже не могли — в те времена геологов не снабжали рациями. Но, главное, мы все-таки не унывали, стремились найти выход из любой трудной ситуации.

Володя и в школе был способным, вдумчивым учеником, обладал отличной памятью, а в экспедиции Д. И. Яковлева он стал лучшим его воспитанником, переняв от руководителя любовь к геологии.

Миляев был одарен исключительной наблюдательностью. От его внимательного взгляда ничто не ускользало. Например, он замечал сочетание растительности с теми или иными горными породами, а в дальнейшем на основании этих наблюдений определял близость подпочвенных вод. Дмитрий Иванович называл Миляева геологом-самородком и доверял ему выполнять довольно сложные задания.

Так мы проработали у Яковлева с 1927 по 1933 год,

пройдя суровую школу геологоразведки, что позволило Володе стать прекрасным геологом-практиком. А затем наши пути разошлись. Миляев поступил в Семипалатинский геологоразведочный институт, а я — в Одесский художественный.

Последний раз встречался я с Володей Миляевым в Алма-Ате в 1942 году. С большим увлечением он рассказывал о своей работе на Чукотке, говорил, что вот окончится война и он опять вернется на Север. Но мечты его не сбылись — жизнь его оборвалась в бою через два года после нашей последней встречи».

Это был не только одаренный геолог, но и самоотверженный труженик, что подтверждают и дневники Миляева.

Воспоминания А. И. Бортникова проливают свет на причины увлеченности В. Н. Миляева геологией, на то, как выковывался в нем талант исследователя, как воспитывалась неистовая одержимость, упорство и настойчивость в работе, в достижении поставленной цели.

Но художник А. И. Бортников не только оставил эти воспоминания, в память о своем школьном товарище и друге он написал маслом его портрет. Писать портрет пришлось спустя 35 лет после гибели Миляева, по двум-трем пожелтевшим любительским фотографиям разных лет. Исключительно важное значение имело личное знакомство художника с оригиналом, так как только А. И. Бортников мог наилучшим образом передать красками хорошо запомнившиеся ему черты лица и особенности характера В. Н. Миляева. Портрет был заказан художественному фонду Казахской ССР Иультинским ГОКом имени В. И. Ленина, и, как дорогая реликвия, украшает теперь поселковый Дом культуры в Иультине.

Рассказ о путях, которыми пришел В. Н. Миляев в геологию, был бы неполным без свидетельства другого человека, под руководством которого делались первые шаги в геологии, который стал первым наставником и учителем, рас-

крывшим во вчерашнем школьнике врожденный талант геолога-исследователя.

Таким человеком для Владимира Миляева был молодой тогда ленинградский геолог Дмитрий Иванович Яковлев — начальник экспедиции Геолкома, проводившей в 1927—1933 годах геологические исследования на юге Казахстана, в Голодной степи. Ныне Д. И. Яковлев — известный ученый, доктор геолого-минералогических наук, профессор. Он охотно откликнулся на просьбу написать воспоминания о Миляеве, чем очень помог воссоздать гражданский и творческий облик своего юного друга и самого любимого ученика.

Письмо первое

«Дорогой Лев Николаевич,— пишет Д. И. Яковлев брату Владимира Миляева,— должен признаться, что я очень полюбил вас, моих юных товарищей, прошедших вместе со мной не менее десяти тысяч километров по безводной пустыне, сумевших превозмочь и усталость, и голод, и жажду, упрямо прокладывая намеченные геологические маршруты. Сколько от вас, юных, требовалось тогда мужества, выносливости!

Вспоминается такой случай. Мы работали на месторождении каменного угля, которое нашли в 90 километрах от Гуляевки (ныне Фурмановка). Страшно страдали от авитаминоза, вызывавшего у нас фурункулез. Но особенно жутко было смотреть на кисть левой руки Володи, которая была сплошным фурункулом. И я, боясь, как бы не было общего заражения крови, отправил Володю в Алма-Ату, дав лошадь с седлом. Приказ мой был категоричен. Володя уехал в Гуляевку, я ушел в маршрут в Бетпак-Далу, а караван должен был продвигаться на 30 километров к западу по борту долины реки Чу. Когда мы через две недели объединились, то я, к своему негодованию, увидел среди караванщиков Володю. На мой протест за непослушание он невозмутимо ответил: «Ведь я выполнил ваш приказ и поехал

в Гуляевку, но не мог оторваться от партии и вернулся, догнав караван. Если со мной что-либо случится, то я, а не вы, будете отвечать».

Делать было нечего. На наших лошадях 120 километров за день пройти было невозможно, настолько жалкий и измученный вид был у них. Вновь поездка в Гуляевку туда и обратно могла обернуться в пять и даже семь дней. Да и опухоль на руке Володи резко спала. Потому решил оставить его при себе. На утро я подошел к палатке своих помощников. Володя сидел на ящике и перебинтовывал большой палец левой руки. Хорошо помню, как он сказал: «Смотрите! У меня, кажется, дикое мясо растет». На конце пальца был виден белый выступ. Володя потянул его и вынул фалангу. И все же он остался в экспедиции, потому что задержка на неделю срывала ее план. Так и сделала Бетпак-Дала («Язва-степь») отметину у Володи на всю его, к сожалению, очень короткую жизнь. Но таких драматических событий можно привести еще много...»

Письмо второе

«Из вашего последнего письма (речь идет о письме, полученном от Л. Н. Миляева.— Г. Ж.) мне стало ясно, что я должен описать обстоятельства, позволившие Владимиру Николаевичу Миляеву стать в ряд крупных геологов, подаривших государству значительные месторождения. Я постараюсь это охотно сделать, потому что вас четверых (разрешите называть по именам — Володю, Алешу, Леву и Витю) считаю крестными отцами моей диссертации по Голодной степи. Без вас я не мог бы за гроши по сравнению с теперешними ассигнованиями в экспедиции покрыть маршрутами 250 000 квадратных километров и собрать такие огромные коллекции. Ведь тогда в нашей экспедиции работало на обнажениях пять геологических молотков, кувалда, кайло и лом в крепких молодых руках, включая и мои. В Геолкоме поражались объему привозимых коллекций и их

качеству. Надо сказать, в старые времена тщательнее обрабатывали образцы горных пород. Они должны были быть в ладонь величиной и толщиной, правильной четырехугольной формы с округлыми краями. Не из каждого куса породы можно было выбить такую «игрушку». Не раз приходилось тут же на обнажении начинать все сызнова. Но так от меня, коллектора, требовал мой первый учитель Михаил Эрастович Янишевский, а от него профессор Александр Антонович Штукенберг, последний был когда-то коллектором Николая Павловича Барбот-де-Марни. Вот какое созвездие имен знаменитых русских геологов! Вот какая замечательная научная родословная через меня была и у Володи! Все эти люди были необычайной доброты и мягкости, но суровыми и требовательными к исследовательской работе. Когда я возвращался из какого-либо дополнительного маршрута и мой профессор принимал от меня образцы (я к нему попал непосредственно с гимназической скамьи, как Володя и Алеша, окончив десятилетку,— ко мне), то, если в них находились дефекты по форме, он их безжалостно выбрасывал из палатки, называя такие образцы «швыркитами» (от слова вышвыривать.— Г. Ж.). Так он сам когда-то отчитывался перед Штукенбергом, а тот перед Марни.

Конечно, щебнистые, сыпучие породы принимались без «кранцевской»* формы. Но и тут требовались в записи, а иногда и по памяти ответы о причинах щебнистости и сыпучести. Особенно ценились образцы горных пород, когда, с одной стороны, сохранялась выветрелая поверхность, а с другой, был свежий излом и еще — если на поверхности были видны следы тектонического скольжения. Тогда нужно было измерять на сколе простирание, падение и наклон штрихов на породе.

Это я пишу для того, чтобы показать, какие сложные требования я предъявлял Володе, еще вчерашнему школь-

* Кранц — фамилия главы немецкой фирмы, торговавшей коллекциями горных пород и минералов.— Г. Ж.

нику, пожелавшему посвятить себя геологии, а также чтобы подчеркнуть, как нужно относиться к геологическим обнажениям и горным породам.

Володю я считал прекрасным коллектором. Но это эмпирическая часть геологических исследований. А вот составление геологических разрезов и карт вообще, и на наших необъятных просторах Юго-Западного Прибалхашья, Бетпак-Далы и Муюнкумов в особенности, уже требовало учета морфологии (устройства поверхности) пустыни, генезиса (происхождения) форм поверхности, обнаженности коренных пород или их покрытия щебневыми или рыхлыми образованиями. Необходимо было, особенно при мелко-масштабной маршрутной геологической съемке, смело сопоставлять наблюдения и факты и делать теоретические построения. Володя в этом отношении был внимательным и способным учеником, дотошным, а иногда и назойливым «приставалой» со своими собственными выводами и геологическими построениями. Было видно, что геологические темы постоянно жили в его голове. И это мне доставляло большое удовольствие и вызывало уважение к нему. Он иногда видел и замечал такие интересные детали и делал такие неожиданные выводы, что озадачивал даже меня. В качестве примера могу привести случай со вторым непослушанием Володи в 1930 году.

Мы из Пишпека (теперь г. Фрунзе) шли в степь с двумя бричками (помимо обычных вьючных лошадей и верблюдов): По пути в низовьях реки Чу подобрали двух зоологов — Юру Никольского и Володю Гринберга. От озера Большой Камкалы брички, нагруженные экспедиционным имуществом и запряженные лошадьми, решили отправить в сопровождении трех человек на Сузак. Были при них, конечно, и верблюды.

Володе Миляеву, который отправлялся с ними, я строго наказал, чтобы в случае невозможности прохода через пески, они бросили брички и часть имущества и налегке выходили к Сузаку. Так и случилось: пески остановили брички.

Тогда старший проводник Михаил Минеевич Загороднев с лошадьми и верблюдами ушел в Сузак, а оба Володи все же остались при бричках. Воды у них было всего два литра. А ведь в наших пустынях без воды дело обстоит так: в первый день приступы жажды, на второй — сумасшествие, а на третий или четвертый день — смерть. Обстановка еще осложнялась тем, что в песках бродили вооруженные банды.

Помощь пришла только через три дня, когда ребята, совершенно обессиленные, изнуренные жаждой, лежали под бричками. Могучие упряжные верблюды, выделенные руководством Сузакского района, шутя вытащили брички из песков. Таким образом два юных Володи спасли наше экспедиционное имущество, что едва не стоило им жизни. Володя потом рассказывал, как, выпив последние глотки воды, они стали расстреливать из револьвера барханы. Но вот даже находясь в таком состоянии, он обратил внимание на то, что в районе их вынужденного плена пески имеют красноватый цвет. А это привело его к мысли, не существует ли здесь поднятие более глуболежащих красноцветов меловых, палеогеновых и неогеновых отложений с мощными толщами глин. Они могли служить подпором грунтовых вод, шедших с Каратау.

Напомню, что я в это время находился от основного каравана за сотни километров, совершая свой наиболее далекий северо-западный маршрут. Гипотезу Миляева удалось проверить только в следующем, 1931 году, когда Володи со мной уже не было. На том же озере Большой Камкалы ко мне обратились казахи с просьбой где-нибудь поблизости в песках найти воду, так как рядом были хорошие выпасы для скота. Я их не стал обнадеживать, но попытаться поискать все же пообещал. Со мной увязалось человек пятнадцать казахов с нужным количеством лопат, кайл, топоров (для устройства крепления колодцев) и ведер. Они готовы были копать на глубину 15—20 метров, лишь бы добраться до воды. Я выбрал по anerонду самую глубокую, выдутую ветром впадину и на ее склоне, обращенном в сто-

рону хребта Каратау, заложил колодец. К вечеру, ко всеобщему удовольствию, вода была добыта на значительно меньшей глубине, чем предполагалось.

Возможно, Володя тогда и не оценил значения замеченных им изменений в облике песков, но благодаря его наблюдательности по этому признаку потом было найдено много участков с близко залегающей от поверхности грунтовой водой среди, казалось, совершенно безводной песчаной пустыни.

Можно сказать, что мы с Володией как геологи росли вместе. Ведь то была моя первая самостоятельная геологическая экспедиция, а я был в ней всего и. о. геолога. Зато мой отчет о работах с вами был признан большой теоретической монографией, и неожиданно за него я получил степень доктора.

В заключение же могу сказать, что в становлении Владимира Николаевича Миляева как геолога первостепенную роль сыграли его трудолюбие, настойчивость, а также наблюдательность. А наблюдать ему приходилось уже с первых шагов трудовой деятельности в нашей экспедиции огромное разнообразие геологических образований и процессов. К тому же Володя был очень любознателен, никогда не стеснялся спрашивать. В качестве полевого геолога я в те годы был малоопытен. До этого я три года возглавлял коллекторские партии от Центрального геологического музея Геолкома. Но вот как ученый — хранитель регионального отдела музея, добрую половину выставок которого довелось сделать мне, я получил обширные знания по геологии всего Союза и мог делиться ими со своими молодыми спутниками. И я искренне рад, что первые зерна геологических знаний упали на благодатную почву, и могу гордиться достижениями Владимира Николаевича Миляева в геологии, которого всегда считал самым способным своим учеником».

Действительно, Миляеву в его становлении как геолога повезло в том, что после окончания школы он сразу начал

работать в геологической экспедиции, и на протяжении семи лет его непосредственным руководителем, наставником и учителем был такой талантливый, широко эрудированный геолог, как Д. И. Яковлев. И прежде всего этому человеку В. Н. Миляев обязан тем, что сам впоследствии стал хорошим геологом.

Однако Д. И. Яковлев прекрасно понимал, чтобы достигнуть многого в геологии, Володе необходимо учиться. Поэтому когда в 1933 году все исследования в Голодной степи были завершены и Д. И. Яковлев собрался уезжать в Ленинград, он настоятельно рекомендовал Миляеву продолжить образование и посоветовал ему поступать в Ленинградский горный институт, пообещав даже оказать протекцию.

Володя к тому времени стал уже опытным геологом-практиком, но тоже прекрасно сознавал, что ему недостает глубоких знаний, хорошей теоретической подготовки. Однако поступать в Ленинградский горный институт не захотел — слишком далеко от дома.

В 1932 году в Семипалатинске открылся Казахский геологоразведочный институт. Вот в него Миляев и подал документы. Но в связи с завершением экспедиционных исследований, проводившихся Геолкомом с 1927 года в Голодной степи, Володя осенью 1933 года задержался на полевых работах и на вступительные экзамены в институт опоздал. Когда, наконец, приехал в Семипалатинск, то прием давно уже закончился, полным ходом шли занятия, и Миляеву ничего не оставалось делать, как снова пойти работать. Однако, когда он пришел в институт за документами, то его пригласил к себе в кабинет заведующий учебной частью С. В. Окромешко, и между ними состоялся такой разговор.

— Скажите, Миляев, а что если я предложу вам поступить сразу на второй курс? Не удивляйтесь! Дело в том, что о существовании нашего института знают немногие — мы работаем всего второй год. Поэтому поступающих в прошлом году было мало, группы далеко не все укомплектованы,

к тому же за год произошёл отсев. Ну так что вы на это скажете?

Володя не ожидал такого оборота дела и не знал, что ответить.

— А смогу ли я наверстать отставание за первый курс? — спросил озадаченный Миляев.

— Думаю, что сможете.

Заметив выражение недоверия на лице своего собеседника, С. В. Окромешко пояснил, на чем основана такая уверенность:

— Дело в том, что из-за слабой общеобразовательной подготовки принятых в институт, в прошлом году нам пришлось вузовскую учебную программу сократить и вместо некоторых специальных предметов ввести дополнительное преподавание русского и казахского языков. По вашим же документам я вижу, что с общеобразовательной подготовкой у вас все хорошо, ну а о специальной и говорить нечего! Так как же, согласны?

По всему было видно, что С. В. Окромешко не хотелось упускать такого студента. Он опытным глазом специалиста рассмотрел в Миляеве уже достаточно квалифицированного геолога, почти готового инженера. Возможно, тут сыграла свою роль и блестящая производственная характеристика, приложенная к его личному делу. Характеристика была подписана Д. И. Яковлевым, которого С. В. Окромешко хорошо знал лично. К тому же Миляев был уже взрослым (ему исполнилось тогда 27 лет), вполне сформировавшимся мужчиной — не чета большинству второкурсников, которым было по 18—19 лет и которые еще не знали, что такое настоящая работа.

Так в порядке исключения Владимир Миляев был зачислен сразу на второй курс, но с условием — догнать остальных в течение года.

Вот тогда-то, осенью 1933 года, я и встретился с Миляевым. Хорошо помню, как и при каких обстоятельствах это произошло. Институт наш временно размещался в не-

скольких двухэтажных бараках бывшего «цитовского» (Центра технического обучения Турксибстроя) городка.

Однажды во время большой перемены ко мне подошел мой друг Женька Алеев и, взяв за руку, потянул к окну, около которого собралась кучка студентов.

— Пойдем послушаем новичка! Кажется, «мужик» настоящий!

У скупого на похвалу друга это означало высшую оценку.

Когда мы подошли к окну, то увидели, что ребята плотным кольцом окружили незнакомого человека и внимательно слушали его, время от времени спрашивая о чем-то. Я услышал отрывки фраз, по которым понял, что разговор шел о каких-то эпизодах из полевой жизни геологов.

Рассказчик по виду был значительно старше окруживших его студентов. По манере держаться и говорить он больше походил на наших преподавателей, чем на студента. Институт наш существовал только второй год, и все специальные предметы преподавали в нем инженеры из местного геологического управления, в основном все молодые геологи. Среди преподавателей были и такие, что сами не имели высшего образования, а были геологами-практиками, то есть самоучками, как, например, В. Ф. Беспалов, ставший впоследствии крупным ученым.

Вот почему, увидев новичка, я с сомнением спросил своего друга:

— Кто тебе сказал, что он студент? Наверное, это наш новый «профессор»!

Так мы в насмешку (ох, уж эти студенты!) называли наших преподавателей. Видимо, Женька знал, что говорил, и потому раздраженно оборвал меня:

— Брось болтать чепуху! Это новый «рудак». Его приняли сразу на второй курс. Сбегай посмотри на доску приказов, если не веришь.

«Рудаками» мы на своем студенческом жаргоне называли всех ребят, учившихся в группе разведчиков. А сами

мы учились в группе гидрогеологов, и нас называли «гидрарачами». Новый «рудак», как выяснилось вскоре, и был Володей Миляевым.

Мы учились с Миляевым в разных группах, к тому же нас разделял возрастной «барьер»: ему в том году исполнилось 27, а мне только 19 лет. Он выглядел мужчиной, я же по сравнению с ним чувствовал себя мальчишкой, поэтому общих интересов у нас с ним тогда было мало. Мы даже редко встречались: занятия велись в две смены, и я жил дома, а он в общежитии. Потом я узнал, что, проучившись год, Миляев оставил институт и снова уехал в экспедицию. Позже стало известно, что Володя живет в Москве, а работает в экспедиции на Памире, занимается поисками и разведкой оловорудных месторождений.

Свой уход из института и отъезд в Москву он мотивировал тем, что скончался отец, и ему, как старшему, надо было работать, чтобы помогать матери, младшим сестрам и братьям — а их было семеро.

Казалось, все ясно. Однако родные знали, что причина его ухода из института кроется в другом. Семья Миляевых, действительно, пережила тогда тяжелую утрату, но случилось это годом раньше, и жизнь без отца уже вошла в нормальное русло. Все дети к тому времени достигли совершеннолетия, а заботы о семье принял на себя другой из братьев — Лев Николаевич, который был уже военным служащим. Вот он-то и поведал о том, что действительно произошло в личной жизни его старшего брата.

История простая, почти банальная, но она помогает оценить замечательные свойства души Миляева, рассмотреть новые черты его характера.

Учась в институте, Володя подружился с однокурсницей. Вскоре дружба переросла в более крепкое чувство. У Володи это была запоздалая первая любовь, а значит — самая чистая, самая возвышенная. Они вскоре договорились соединить свои судьбы. Бракосочетание назначили на осень, когда вернутся с практики.

Все лето Володя пребывал в приподнято-радостном настроении, спешил закончить практику и пораньше возвратиться в Семипалатинск. Когда вернулся, то сразу поспешил на свидание с любимой девушкой. Но опоздал... Чтобы не быть в положении «третьего лишнего», он принимает решение незамедлительно уехать, уехать все равно куда, лишь бы быть подальше от предавших его людей.

Из рассказов близких нетрудно представить то исключительно тяжелое душевное состояние, в котором он находился. И если бы не отъезд в Москву, не быстрая смена обстановки, то не известно, как и чем бы все это закончилось.

В Москве Володя остановился у брата Аркадия, жена которого Антонина Ивановна, чуткая и душевная женщина, осторожно, с большим тактом разобралась во всем и поспешила «наложить целебный бальзам» на его сердечные раны, посоветовала как можно скорее найти работу.

Вскоре Володя устроился геологом в Таджикско-Памирскую экспедицию и, не задерживаясь в столице, уехал на Памир — в царство милых его сердцу величественных гор, дикой природы, успокоительной тишины. Там, на Памире, в повседневной работе, в изнурительных и опасных высокогорных маршрутах Володя постепенно обретал душевное равновесие. Вот что об этом времени вспоминает геолог Леонид Иванович Лукин:

«Я познакомился с Миляевым летом 1934 года, когда мне было 25, а ему 28 лет. Тогда мы работали по соседству в разведочных партиях на олово. Работы велись на больших высотах, близ осевой части Туркестанского хребта.

Встречались мы редко. Но меня привлекали в Миляеве его открытая натура, дружелюбие, благожелательность. Он был хорошим рассказчиком, любил пошутить, посмеяться. А смех у него был особый, какой-то уж очень откровенный. Так могут смеяться только хорошие, добрые люди. И, действительно, он был добрый, но не «добренький». Когда видел в чем-то несправедливость, то совершенно менялся, делался ершистым.

А работал он буквально не щадя своих сил, выполнял самые тяжелые поисковые маршруты, преодолевая головокружительные высоты рука об руку с такими опытными альпинистами, как Крыленко, братья Аболаковы, которые нам тогда помогали. На счету у Володи не одно вновь открытое оловорудное тело в Туркестанском хребте»...

Надо сказать, что на своем коротком, но замечательном жизненном пути Миляев встречался и был лично знаком со многими очень известными людьми. Например, с Николаем Петровичем Горбуновым, когда тот был начальником Таджикско-Памирской экспедиции, в которой работал тогда Миляев. С тем самым академиком Н. П. Горбуновым, который в 1917 году был секретарем Совнаркома и личным секретарем Владимира Ильича Ленина.

Там же, на Памире, Миляеву довелось встречаться с Николаем Васильевичем Крыленко, который был тогда Генеральным прокурором СССР, участником и одним из руководителей научных экспедиций АН СССР и завзятым альпинистом.

Позже, уже работая на Чукотке, Миляев неоднократно встречался с одним из героев покорения Северного полюса И. Д. Папаниным, который был тогда начальником Главсевморпути, организатором и инициатором проведения широких геологических исследований на Чукотке.

Была короткая, но памятная встреча с Э. П. Берзиным, о чем будет рассказано ниже.

Личные контакты с такими замечательными людьми, конечно же, обогащали Миляева духовно, прививали принципиальность и смелость в подходе к решению масштабных вопросов.

С ПАМИРА — В АРКТИКУ

Большая светлая комната старинного особняка, каких в тридцатые годы было еще много на тихих московских улочках и в старых переулках, имела запущенный вид.

Тесно заставленное всякой конторской мебелью, с запыленными окнами, грязными стенами и затоптанным паркетным полом это некогда парадное помещение похоже было на склад старых вещей. На чертежных, письменных и просто старых кухонных столах, на расставленных всюду шкафах, на самодельных полках и стеллажах громоздились кипы каких-то бумаг, валялись запыленные книги и небольшие, в серых матерчатых переплетах блокноты, а также рулоны чертежей. Отдельными кучками или разложенные в лотках лежали завернутые в бумагу образцы горных пород. Здесь же на столах и на полу валялись геологические молотки и всевозможный мелкий походный инвентарь, которым обычно пользуются только в экспедициях.

По царившему в помещении беспорядку и по внешнему виду суевившихся в комнате людей — крепких, дочерна загорелых, с обветренными лицами — можно было догадаться, что в комнате хозяйничают геологи. Собственно догадываться и не нужно было, так как при входе в помещение каждый мог прочесть прикрепленную на двери табличку: «Совет Народных Комиссаров СССР. Таджикско-Памирская экспедиция». В комнате вели камеральные работы сотрудники поисковых геологических отрядов этой экспедиции: прорабы-геологи, коллекторы, топографы, лаборанты — в основном представители так называемого «среднего и младшего звена» технических специалистов, без которых не может успешно работать в поле ни один даже самый маститый геолог. Все они в полевой сезон минувшего года, как говорят, «начисто выкладывались» в труднейших маршрутах, пролежавших по заоблачным высям горных хребтов Памира, а сейчас временно осели в столице, чтобы изучить и систематизировать результаты проведенных исследований и написать научные отчеты.

Приближалась весна 1936 года. Все основные камеральные работы были уже завершены, геологические карты составлены, отчеты написаны. Потому в комнате и царил такой неопишемый ералаш: люди занимались упаковкой

коллекций и остатков проб, подготовкой к сдаче в геологические фонды и в архив полевых материалов. Это был завершающий, «ликвидационный» этап работы. Экспедиция заканчивала свое существование. Для окончательного оформления геологических отчетов и для подготовки к изданию итоговой монографии было оставлено лишь несколько человек, а всем остальным предстояло подыскивать новую работу. Ничего необычного в этом не было, так как экспедиции создавались в те времена на непродолжительное время, а разветвленной сети постоянных геологических учреждений, как теперь, тогда еще не существовало. И потому предстоящее увольнение никого не пугало. Все сотрудники экспедиции были весьма квалифицированными и опытными специалистами.

В тридцатые годы, когда быстрыми темпами начала развиваться индустриализация страны, хороших специалистов не хватало, и почти каждый из освобождавшихся сотрудников бывшей Таджикско-Памирской экспедиции уже заранее имел несколько заманчивых предложений в различные геологические учреждения.

Однако, как всегда в подобных случаях, разговоры на тему, куда пойти, куда поехать, велись в камералке постоянно и были здесь самыми злободневными. Каждому приходилось выбирать дорогу по своему желанию, причем при выборе нового места работы эти люди стремились туда, где интереснее, где больше романтики и перспектив для дальнейшего профессионального роста, где есть шансы на успех — найти хорошее месторождение. Материальная сторона дела этих людей интересовала гораздо меньше, а о трудностях вообще не говорили.

Все они были «оловянщиками», то есть опытными специалистами по поискам оловянных месторождений. А ведь олово в те годы, как никогда, было нужно нашей стране. Именно олово они и искали в горах Средней Азии, но эта колыбель древней культуры бронзового века не оправдала возлагавшихся на нее надежд. Найденные в горах Турке-

станского хребта оловорудные жилы оказались небольшими, бедными и труднодоступными. Никакого интереса для промышленности эти месторождения не представляли.

Одновременно поиски месторождений олова широко велись и в других районах страны: в Карелии, Казахстане, Забайкалье, Якутии, на Колыме и Чукотке. Неожидаанно наиболее обнадеживающие сведения стали поступать из самых дальних экспедиций, проводивших поиски в районах Крайнего Северо-Востока.

О месторождениях олова, открытых геологами Дальстроя в верховьях реки Колымы, и об интересных находках С. В. Обручева, В. И. Серпухова и Д. Ф. Байкова на Чукотке весной 1936 года уже знали все «оловянщики». Знали об этом и сотрудники бывшей Таджикско-Памирской экспедиции, и некоторые из них серьезно подумывали, что не плохо бы и им поработать на Колыме или Чукотке. Так думал и прораб-геолог Владимир Николаевич Миляев, которому тоже предстояло подыскать себе новую работу.

Ладно скроенный, интересный молодой мужчина лет тридцати всем своим видом олицетворял бывалого путешественника, каким он и являлся на самом деле: за его плечами было уже почти десять лет работы в труднейших экспедициях в горах Памира и безводных пустынях Голодной степи. Его волевое смуглое лицо выражало спокойствие и уверенность в себе. Доброжелательность и тепло излучали его умные карие глаза. Голову украшала пышная шевелюра — черные непокорные волосы, зачесанные по тогдашней моде длинными прядями на затылок.

В тот памятный весенний день 1936 года Миляев пришел на работу в хорошем, даже чуть приподнятом настроении. На улице началась весенняя капель, которая всегда напоминала геологам, что пора собираться в поле. С весенней капелью, с прилетом первых скворцов, с проталинами на снегу геологам уже не сидится в помещениях, им становится душно и неуютно в городах — просыпающийся инстинкт бродяг властно влечет их в такую пору в горы, тайгу. С мыслями

об этом и застал В. Н. Миляева геолог Ю. А. Одинец, тоже участник Таджикско-Памирской экспедиции, и между ними состоялся такой разговор:

— Есть у меня к вам одно заманчивое предложение. Только вчера я оформился на новую работу в Главсевморпуть. Там намечается новая экспедиция на Чукотку.

Эта новость заинтересовала Миляева, он давно уже обдумывал возможность поработать в Арктике.

— Не по следам ли Серпухова? — спросил Миляев.

— Да, именно по следам Серпухова. Меня назначили начальником Второй Чукотской экспедиции, точнее — новым начальником, так как эта экспедиция уже работает, но я должен буду заменить старого начальника — Зяблова. Заодно будет меняться и весь состав экспедиции. Мне необходимо подыскать хороших помощников. Работать придется в суровой необжитой Арктике. Теперь вы понимаете, почему я обратился к вам?

— Догадываюсь, — ответил Миляев. — Но ведь на Памире было много хороших ребят. Вероятно, найдутся желающие среди них поехать и на Чукотку.

Одинец понял, что Миляев сознательно уклоняется от прямого ответа на его вопрос, и вспомнил, что его собеседник терпеть не мог всякую «дипломатию» в простых делах. Поэтому сказал более откровенно:

— Владимир Николаевич! Мне нужен прежде всего хороший помощник, очень хороший! А лучшего помощника, чем вы, мне не отыскать.

Одинец знал Миляева как очень честного, трудолюбивого и весьма квалифицированного геолога, незаменимого в трудных экспедиционных условиях, на которого можно положиться как на самого себя. Именно такого помощника он и хотел иметь в своей экспедиции на Чукотке.

Это предложение явилось большой неожиданностью для Миляева.

— Мне нужен не просто геолог, — продолжал Одинец, — а по существу главный геолог экспедиции — мой первый

помощник, моя правая рука. К сожалению, в штатах экспедиции предусмотрена для этого только должность начальника поискового отряда, но это инженерная должность. И я предлагаю это место вам. Кроме вас в экспедиции будет еще один геолог — Ариадна Григорьевна Шпилько, которую вы тоже хорошо знаете. Обещаю вам полную самостоятельность во всех делах. И учтите, что мы должны сменить на Чукотке Зяблова, Кремчукова, Культиасова и Бритаева, которые хотя и не нашли «точек Серпухова», но подтвердили несомненную перспективность Чукотского полуострова на олово, золото и редкие металлы. Короче — Вторая Чукотская экспедиция должна продолжить начатые работы, но новым составом. Есть шансы, что нам повезет больше, и мы сможем там открыть хорошие месторождения олова или других ценных металлов. Право, ради этого стоит принять мое предложение.

Будучи прекрасным геологом-поисковиком и опытным «оловняшником», Миляев отлично понимал, что экспедиция на Чукотский полуостров, да еще на поиски потерянных «точек Серпухова» — это то, что ему надо. Поэтому дальнейший разговор стал уже более конкретным. Окончательное же решение Миляев обещал сообщить через несколько дней, когда закончит отчет по Памирской экспедиции.

И во время очередной встречи с Одинцом он дал свое согласие поехать на Чукотку в качестве начальника поискового отряда.

Так Миляев сделал первый шаг на пути к замечательному открытию, которым навечно впишет свое имя в историю освоения Чукотки, в историю индустриализации страны.

Итак, весна 1936 года. Москва. Сборы в новую экспедицию. Весна в этом году необычно затянулась. Затянулись и сборы геологов...

Рассчитавшись в Таджикско-Памирской экспедиции и оформившись на работу в Горно-геологическое управление Главсевморпути, Миляев съездил на краткосрочную

побывку к маме в Алма-Ату, помог ей по хозяйству (так он делал всегда перед выездом на полевые работы) и, быстро возвратившись, включился в хлопоты по сборам и подготовке к отъезду на место новых исследований. Это была привычная для него работа, привычные хлопоты, но по сравнению с прежними сборами в поле дел заметно прибавилось: собирался ведь, как никак, в Арктику, да и работать в должности геолога экспедиции и самостоятельно возглавлять поисковый отряд ему еще не приходилось.

Несмотря на то, что все отъезжающие в экспедицию работали не считаясь со временем и не покладая рук, сборы затянулись. И вот уже наступило лето, когда сотрудники нового состава Второй Чукотской экспедиции наконец-то отправились в долгий путь к неведомым берегам Чукотки.

Поезда в те времена от Москвы до Владивостока шли долго, много простаивали на разъездах, и свободного времени в пути у всех было более чем достаточно. Каждый располагал им по-своему. Некоторые в пути «резались в карты», иные бражничали, другие же отсыпались после московской суетни.

Путь из Москвы до Новосибирска Миляеву был хорошо знаком, ездил по нему не раз, поэтому большую часть времени он проводил в купе, где музицировал на мандолине, играл в шахматы, просто отсыпался или читал — он, как всегда, брал с собой много книг. Среди взятой литературы были вузовские учебники по всем геологическим дисциплинам и монографии по геологии и полезным ископаемым Северо-Востока СССР. Со специальной литературой он не расставался и раньше, но на этот раз, зная, что впереди будет долгая полярная ночь и зимнее «отсиживание в берлоге», Миляев рассчитывал существенно пополнить свой «багаж знаний», поэтому взял с собой значительно больше, чем обычно, специальных пособий по геологии.

Только за Новосибирском начались незнакомые места, и Миляев все чаще стал задерживаться в коридоре у открытого окна, с интересом всматриваясь в мель-

кавшие за окном незнакомые ему ландшафты, особенно когда миновали Иркутск и долго ехали по берегу Байкала. Железнодорожный путь в тридцатые годы здесь проходил по самому урезу воды и через множество тоннелей. Поезда шли медленно, часто и долго задерживались на разъездах, ожидая, когда пройдет через тоннель встречный состав.

На каждой такой остановке Миляев непременно выходил на разминку, спускался с насыпи к воде и с нескрываемым любопытством поднимал с земли и рассматривал здешние горные породы. Он знал, что в этих местах начинается Забайкальская горнорудная провинция, в недрах которой с давних времен известны рудопоявления олова. В поднятых с земли камешках он зачастую обнаруживал сходство с теми горными породами, которые встречал в Чу-Илийских горах Казахстана и на Памире, где тоже известны рудопоявления олова и редких металлов.

Но вот миновали Байкал, и начались исторические места, где отбывали каторгу декабристы, — Шилка, Нерчинск, Чита, а еще дальше на восток замелькали названия станций и полустанков, знакомые по истории гражданской войны на Дальнем Востоке и по совсем еще свежим в памяти событиям на КВЖД и Халхин-Голе.

С большим интересом Миляев вглядывался в природу Уссурии и Приморского края, о которой был слышан и много читал. И вот наконец после долгого и особенно утомительного от вынужденного безделья пути транссибирский голубой экспресс прибыл в пункт назначения — город-порт Владивосток.

Но для будущих северян путешествие на этом еще не заканчивалось. Им предстоял долгий морской путь по Тихому океану, мимо берегов Японии, гряды Курильских островов, вдоль всей Камчатки до самого Чукотского полуострова, где кончается азиатский материк и проходит самая восточная граница нашей Родины.

Отъезд из Владивостокского морского порта затянулся

почти на месяц, и у Миляева было достаточно времени, чтобы лучше ознакомиться с городом и его ближайшими окрестностями. Его, жителя далекого Казахстана, особенно поразила богатая и разнообразная дальневосточная природа. Впервые ему довелось увидеть море, ощутить особый колорит большого портового города.

И вот, наконец, теплоход «Анадырь» был подан под погрузку. Истосковавшиеся в ожидании этого дня пассажиры охотно приняли участие в объявленном погрузочном аврале. Судно загрузили до отказа. Не вместившуюся в трюмах часть грузов, в основном технику, сложили даже на палубе, прочно приторочив толстыми канатами к стальным бортам корабля. Наконец корабль издал прощальный гудок и медленно направился к выходу из Посыетского залива в Японское море.

«Анадырь» не был обычным пассажирским судном, хотя пассажиров набралось много. Кают на всех не хватило, и большинство из них разместили в твиндеке — верхней части трюма, где для этого наспех были сооружены деревянные нары. Никаких окон в твиндеках не было и вентиляции тоже. Основной костяк пассажиров составляли работники полярных станций — радисты, метеорологи, гидрологи, а также сотрудники различных экспедиций, служащие факторий, рыбаки и работники морских портов.

Долгим и утомительным было это морское путешествие. Чего только не пришлось испытать на пути к заливу Креста пассажирам темного и душного твиндека! Разве могли они забыть качку во время шторма в океане, названном словно в насмешку Тихим! А мертвую зыбь в акватории огромного Анадырского залива, когда морская поверхность выглядела как зеркало, а огромный корабль ритмично и медленно качало, отчего кружилась голова и выворачивало наизнанку желудки.

В пути встречались хищные косатки и целые стада великанов китов, над которыми высоко взлетали водяные фонтаны, словно бьющие из моря гейзеры.

Ассоциация с гейзерами не была для геолога Миляева случайной: на горизонте слева по ходу корабля почти на всем пути следования от берегов Японии и до Северной Камчатки неизменно маячили высокие вулканы Курильско-Камчатской вулканической гряды. Некоторые из вулканов дымились и были увенчаны снежными шапками.

И вот в один из августовских дней 1936 года «Анадырь», на борту которого плыли Миляев, Одинец, Шпилько и другие двенадцать участников Второй Чукотской экспедиции (второго состава), оставил за кормой мыс Наварина, вошел в воды западного полушария земли и взял направление на север, держа курс к берегам Чукотского полуострова.

Выдался на редкость погожий день. Свободные от вахты моряки и все способные стоять на ногах пассажиры с самого утра высыпали на верхнюю палубу. Измученные долгим плаванием в океане, тяжелым зловонием твиндека и морской болезнью люди с жадностью глотали холодный морской воздух.

Долгий путь приближался к концу, и, как водится в таких случаях, перед встречей с берегом многие стали неразговорчивыми, каждый думал о чем-то своем, возможно, сугубо личном.

Среди стоявших на верхней палубе пассажиров были и три молодых мужчины, три друга. Это геолог Владимир Николаевич Миляев, чуть выше его ростом и сухощавее — топограф Вася Ганешин и небольшого роста крепыш, со скуластым монгольского типа лицом Рахим Фарифьянов — промывальщик шлиховых поисковых проб. Все трое составляли поисковый геологический отряд во главе с Миляевым. Они хорошо знали друг друга еще по совместной работе на Памире. Тяга к путешествиям, жажда открытий, романтика нелегкой кочевой жизни геологов-полевиков, а также настоящая мужская дружба давно уже объединила их хотя и в очень маленький, но крепко сплоченный рабочий коллектив. Они тогда еще не знали, что впереди им уготована суровая проверка на верность долгу и дружбе.

А пока корабль, на котором они плыли, медленно, но верно приближался к заветным берегам Чукотки. Вскоре взору находившимся на палубе открылась панорама скалистых берегов залива Креста. Увиденное никого не оставило равнодушным. Особенно впечатляла новичков природа своей мрачной суровостью. Необычно было видеть геологам ледниковые долины, уходившие прямо на морское дно. А именно такая картина открылась им с борта корабля, входившего в узкую морскую бухту, окруженную отвесными скалами.

При виде суровых скалистых берегов Миляев и его друзья оживились.

— Смотрите, ребята, — первым нарушил молчание Владимир, — ведь это же затопленные трог, или ледниковые долины. Трогов мы с вами вдоволь рассмотрели на Памире. Только там они на заоблачной высоте, а здесь прямо на берегу моря. Это древние трог. Сейчас долинных ледников на Чукотке нет, но нам от этого не легче.

— Да, рельеф сложный! Трудновато будет вести топографическую съемку, если всюду так, — ответил Василий Ганешин.

— Я тоже подумал об этом, — продолжал Миляев. — Если все долины здесь ледникового происхождения, то нелегко вести не только топографическую съемку, но и искать месторождения. Ведь ледники обязательно должны были выпахать древние речные долины, а значит «размазать» аллювий по всей округе. Всюду в шлиховых пробах будут встречаться «знаки» золота или других рудных минералов, и по данным опробования ледниковых отложений мы ничего не найдем.

— А что же тогда будем делать? Не на прогулку ведь приехали сюда?

— Конечно, нет! Во-первых, мы еще не знаем, что там, за горами. По сведениям тех, кто уже бывал в этих краях, шлиховые поиски здесь вести можно. Читал я также, что поисками золотых россыпей здесь уже занимались разные

авантюристы и проспекторы с той стороны — с Аляски. Правда, ничего хорошего они не нашли.

— Вот вам и доказательство того, что шлиховый метод здесь не эффективен! — подытожил Ганешин.

— Не унывай, Василий! У нас на вооружении есть и другие поисковые методы. Грамотное искаживание склонов, когда ведутся геологические наблюдения, а не только просматриваются да простукиваются молотком свалы горных пород — это чем не метод? Он еще никого не подводил. Ведь именно так нам удалось найти несколько оловорудных жил на Памире. Только не надо лениться ходить в трудные маршруты по склонам да водоразделам. Но прежде головой надо думать. Геологическая съемка раскроет нам глаза, а без нее мы как слепые котят.

— Ты прав, Володя! Работать надо прежде всего головой, а не ногами. А я вот знаю одного чудака, который утверждает, что геолога, как и волка, кормят ноги: чем больше маршрутов, тем больше успех в поисках месторождений. Он в это твердо верит и, возвратясь из маршрута, не голову кладет на подушку, а ноги, считая, что именно ногам нужен комфорт — они того больше заслужили.

— Ну и как, много он открыл месторождений ногами?

— Пока ни одного.

Рассказ Ганешина про чудака-геолога развеселил друзей. Но их внимание снова привлекли берега залива Креста. Они выглядели совершенно необитаемыми — никаких признаков присутствия людей, ни одного человеческого жилья не было видно. Да и откуда им быть, если кругом только камни: отвесные скалы и подвижные, «живые», как говорят геологи, каменные осыпи. Ни травинки, ни кустика! И только перед самым входом в залив, вдоль берега справа и слева, простиралась широкая прибрежная полоса заболоченной тундры и на песчаной косе были видны какие-то постройки, а около них — с полдюжины яранг. Слева по ходу был поселок Уэлькаль, а справа — фактория Конергино. Это два ближайших населенных пункта от бухты

Оловянной, где располагалась база Второй Чукотской экспедиции.

Корабль круто повернул вправо, обогнул большую песчаную косу и вошел в бухту Кэнгинин, самую восточную в заливе Креста. Скоро над водной гладью бухты раскатило прозвучал пароходный гудок, известивший о прибытии к месту назначения. Толпившиеся на палубе люди увидели на берегу небольшой уютной бухточки базу экспедиции. Геологи, прибывшие сюда годом раньше, многообещающе окрестили бухту Оловянной, желая подчеркнуть тем самым, зачем они пожаловали на Чукотку.

На узкой галечной косе, почти у самого берега, под нависшими высокими скалами стояли три приземистых щитовых сборных домика с плоскими крышами, несколько брезентовых палаток, натянутых на каркасы, возвышались штабеля железных бочек из-под горючего, стояли два стареньких вездехода ГАЗ-АА. Вот, пожалуй, и все хозяйство геологов. В одном из домиков, как потом узнали приехавшие, размещался камбуз и кают-компания, а в двух других жили люди.

В центре поселка зимовщиков вытянулись вверх тонкие мачты радиоантенн: на одной из них развевалось красное полотнище Государственного флага СССР, а на другой — клиновидный бело-голубой вымпел с морской эмблемой ГУСМП — Главного управления северного морского пути.

Главсевморпуть — морское ведомство, поэтому на всех его береговых полярных станциях и базах, авиабазах и портах были те же самые порядки, что и на кораблях. А отсюда и привычные для моряков названия — камбуз, каюта, кают-компания и другие.

Все население зимовщиков бухты Оловянной — человек около пятидесяти — суетилось у берега, от которого вскоре отчалил катер с кунгасами на буксире. Начался общий аврал по разгрузке и загрузке корабля.

Но вот аврал закончен, и корабль отправился в дальнейший путь. Отбыли на нем и все участники первого со-

става Второй Чукотской экспедиции во главе с ее начальником Зябловым.

Новый состав экспедиции прибыл, как говорится, на все готовое. Поселок, то есть база экспедиции в бухте Оловянной, был полностью уже построен и обжит. Оставалось только произвести небольшую уборку помещений и можно было располагаться.

Погода стояла на редкость теплая, безветренная. В бухту Оловянную на юрком тихоходе У-2 прилетел со своей базы с мыса Северного (теперь мыс Шмидта) летчик Г. И. Катюхов. Он был выделен Чукотской авиагруппой Главсевморпути для обслуживания экспедиции. Ю. А. Одинец решил, не теряя времени, произвести рекогносцировочный облет района предстоящих работ. Они благополучно слетали в верховья реки Амгуэмы, побывали на некоторых полевых базах Зяблова, в том числе и на базе топографов, которая находилась в низовьях Амгуэмы, ниже впадения Якитики в Амгуэму. Пока пилот возился с мотором, Одинец успел взять из речных отложений несколько лотковых проб. Во всех пробах оказались «знаки» золота, и при промывке на лотке выделялся обильный шлик, состоящий из темных тяжелых минералов. Обрадованный такими результатами первых случайных проб Одинец поспешил отправить Катюхова в бухту Оловянную, чтобы там проанализировали эти пробы и вместе с результатами направили ему на подмогу промывальщика Фарифьянова. Летчик возвратился в тот же день, и они втроем промыли еще несколько проб. «Знаки» золота были видны в каждой пробе. Оставив промывальщика продолжать опробование речных отложений, Одинец возвратился в Оловянную и распорядился, чтобы Миляев и Ганешин немедленно отправились к Фарифьянову. Им было дано задание выйти в поисковый маршрут, с тем чтобы успеть до снега детально обследовать низовья Амгуэмы до самого устья. Одинец их предупредил, что у устья Амгуэмы есть полярная станция, куда за ними прилетит

Катюхов. На сборы Миляеву и Ганешину было дано меньше часа.

И вот тут необходимо сказать, что Одинец допустил оплошность, едва не стоившую жизни Миляеву и его спутникам. Эта оплошность явилась результатом того, что все они — и Одинец, и Миляев, и другие участники экспедиции, только что прибывшие на Чукотку, — не знали капризов и коварства здешней погоды, не имели опыта работы в суровой Арктике. Они также не знали, что оказались в таком месте, где находится, как утверждают метеорологи и синоптики, «одна из главных кухонь погоды на Земле».

И это действительно так, потому что Чукотский полуостров, узенькая полосочка суши — разделяет два великих океана — Ледовитый и Тихий, а над ними два воздушных океана — один холодный, другой теплый. Постоянное противоборство холодных и теплых масс воздуха, происходящее над Чукоткой, и предопределяет все ее климатические особенности: неустойчивость погоды, сильные ураганные ветры, резкую смену температур, быстрое изменение атмосферного давления и так далее.

Заканчивалась первая декада сентября. Вот-вот внезапно может наступить зима. Но в защищенной от северных холодных ветров бухте Оловянной стояла необычно теплая безветренная погода. Как никак, ведь это был «юг» — южный берег Чукотского полуострова! А там, за зубчатыми, покрытыми только что выпавшим снегом вершинами хребта Искатень, всего лишь в каких-то ста километрах севернее бухты (но уже за Полярным кругом!) хозяйничала «серьезная дама» — Арктика, где в первых числах сентября обычно наступает зима, причем она приходит сюда без предупреждения — без осени, как таковой. Сразу вслед за внезапным похолоданием начинаются сильные ветры и снежные вьюги. И горе тому, кого первая пурга застанет в пути, далеко от жилья!

Миляев и Ганешин наспех собрались в маршрут, каким-то чудом втиснулись со всем своим снаряжением в тесную

кабину У-2 и поднялись в воздух. Самолет взял курс на север. Под крыльями сначала промелькнули суровые пейзажи каменных фиордов залива Креста, потом — островерхие, уже покрытые снегом пики хребта Искатень, за которые, казалось, самолет вот-вот зацепится крылом. Не прошло и получаса, как миновали водораздел и начали снижаться. Совершили посадку на метеостанции Перевальная. Здесь заправили баки самолета бензином и полетели дальше, по-прежнему держа курс на север. Летели над руслом реки Амгуэмы до места назначения. Вскоре пролетели над устьем реки Якитики, и самолет круто повернул вправо. Миляев увидел на горизонте белую полосу льда. Это уже был Северный Ледовитый океан, а точнее, пролив Лонга — гибельное место для кораблей. А еще он успел разглядеть, что на левом борту долины, судя по рельефу, обнажаются граниты, с которыми обычно связаны месторождения олова, золота и многих других металлов.

Пролетая над узкой каньонообразной долиной Амгуэмы, так называемым участком Скал, самолет начал снижаться и совершил посадку на том самом месте, где был накануне Одинец и где их ждал теперь промывальщик Фарифьянов. Они быстро выгрузили из самолета весь доставленный походный скарб — палатку, спальные мешки, инструменты, продукты, проводили торопившегося на свою базу летчика и остались втроем в незнакомой для них местности.

Настроение у всех было несколько подавленное. Видимо, влияла мрачная картина суровой северной природы. Круто вздымались покрытые крупными глыбами каменных осыпей темные, почти черные склоны высоких гор. В глубоких морщинах горного рельефа всюду были видны большие пятна прошлогоднего снега, так и не успевшего растаять за короткое северное лето. А вершины водоразделов уже покрылись новым снегом, который теперь не стает до весны или пролежит несколько лет, если опять не будет теплого лета. Никакой растительности, лишь кое-где виднелись небольшие куртинки чахлого кустарника. Нет даже травы —

одни только камни, покрытые пятнами разноцветных лишайников.

Это был левый берег большой реки, которую чукчи называли Омваам, то есть «Широкая река», а первые исследователи Чукотки трансформировали это название, после чего на всех географических картах она стала называться Амгуэмой. За рекой до самого горизонта простиралась слегка волнистая поверхность Ванкаремской приморской низменности, на темном фоне которой выделялись кое-где светлые пятна больших и малых озер.

Но молчаливое созерцание окружающей природы продолжалось недолго. Надо было устраиваться на жилье: ставить палатку, разбирать снаряжение, продукты и готовиться к выходу в первый рабочий маршрут.

Поисковый отряд Миляева высадился на берег Амгуэмы 11 сентября, а 12-го уже вышел в свой первый рабочий маршрут. Стояла пасмурная, ветреная погода, временами шел мокрый снег, но всем троим не терпелось начать поиски, и они отправились в маршрут.

В отряде существовало четкое распределение обязанностей. Ганешин производил инструментальную (мензульную) топографическую съемку и наносил на карту маршрут. Фарибянов отбирал для промывки пробу, промывал ее до серого шлиха и после просмотра Миляевым сушил и упаковывал содержимое в бумажные пакетики. Миляев вел геологические наблюдения и руководил поисками, тщательно просматривал горные породы, встречавшиеся на пути, выбирал места взятия поисковых проб, документировал обнажения и вел полевой дневник.

Всем было трудно в непогоду, но особенно промывальщику, которому приходилось весь день работать в ледяной воде, поминутно согревая руки под телогрейкой. Деревянный промыточный лоток быстро обледеневал на холодном ветру, но работа не прекращалась. В первых же пробах оказалось несколько «знаков» золота и обильный черный шлик тяжелых минералов. Сам Миляев нашел в этот день

несколько обломков кварцевых жил с обильной вкрапленностью рудных минералов — пирита и халькопирита. Эти минералы имеют золотистый цвет и выглядят почти как золото.

Первые находки обнадежили. В лагерь возвратились поздно вечером промокшие, сильно уставшие, но с хорошим настроением. Наскоро перекусив, обсушившись, залезли в меховые спальные мешки и тут же уснули.

На следующий день все повторилось. Между тем погода ухудшилась, похолодало еще сильнее, ночью был сильный заморозок. Но в пробах по-прежнему встречались «знаки» золота, и работа продолжалась.

14 сентября погода резко ухудшилась. На реке появились забереги. Подул сильный северный ветер. Работать стало невозможно. Решили снимать лагерь и плыть к устью реки, где, по словам Оди́нца, должно быть жилье и люди. Погрузились в надувную лодку, но она сильно парусила и ветер не давал плыть, прибавал лодку к берегу. За весь день проплыли не больше пяти километров!

А обстановка тем временем ухудшалась с каждым часом. Но Миляев и его спутники по неопытности надеялись, что все может измениться к лучшему, и продолжали рабочий маршрут...

Что и как было потом, мы достоверно знаем из записей в сохранившемся дневнике, который вел в те дни Миляев. Поэтому проще всего заглянуть в этот волнующий документ.

Но прежде несколько слов о том, как удалось найти дневник Миляева, это достоверное свидетельство мужества людей, оказавшихся на грани гибели, доподлинное описание того, как было открыто Иульгинское месторождение.

ЧУКОТСКИЙ ДНЕВНИК МИЛЯЕВА

В 1975 году, задумав написать книгу о Чукотстрое, я стал собирать материалы о Миляеве, с которого нужно

было начинать. И тут я вспомнил, что он алмаатинец, и что у Миляевых была большая семья. Это натолкнуло меня на мысль попытаться найти кого-нибудь из родственников Владимира Николаевича, чтобы узнать от них все сведения о его жизненном пути, об обстоятельствах его гибели на фронте.

Смутно надеясь на успех, я отправился в городской адресный стол и попросил сообщить мне адреса всех Миляевых по отчеству Николаевичи. Оказалось, что в городе проживает только один Миляев с таким отчеством. Окрыленный удачей, беру такси и мчусь по указанному адресу. И вот я на берегу Малой Алма-Атинки, у небольшого опрятного домика, утопающего в зелени развесистых яблонь и груш. Это тихий уголок города, отведенный для частного строительства ветеранам войны. В волнении нажимаю на кнопку звонка в калитке и вижу, как из дома выходит мне навстречу смуглый седой мужчина, удивительно похожий на Владимира Миляева.

Так состоялась моя первая встреча со Львом Николаевичем, который потом мне помог в розыске материалов о своем старшем брате. Мы долго просидели в тот день в саду за большим столом в тени фруктовых деревьев.

Из разговора выяснилось, что все братья Владимира Миляева сражались на войне, все остались живы. Живы и сестры, а в Москве живет Володина жена Валентина Васильевна с дочерью Валерией. Уходя, я уносил с собой не только много новых сведений о Владимире Миляеве, но и московский адрес его вдовы.

Как только мне представилась возможность побывать в Москве, я первым делом разыскал Миляевых. Жена и дочь Владимира Николаевича встретили меня очень радушно, но я чувствовал себя как-то неловко из-за того, что невольно разбередил в их душах больные раны. Они уже были предупреждены письмом о целях моего визита, поэтому наша первая беседа проходила непринужденно. В конце беседы я спросил:

— Не сохранились ли у вас, Валентина Васильевна, какие-либо личные вещи мужа?

Заметив недоуменный взгляд Валентины Васильевны, я пояснил:

— В Магаданском краеведческом музее создается персоналия на первооткрывателей месторождений и на первопроходцев края, собираются их личные вещи, документы, фотографии, письма. В персоналии первооткрывателя Иультина никаких материалов пока нет.

— К сожалению, — ответила Валентина Васильевна, — при эвакуации из Москвы в 1941 году мы могли взять с собой только самое необходимое. Во время войны пришлось кочевать по приискам и рудникам Восточного Казахстана. А когда возвратились в Москву, то долго ютились, где придется, своей квартиры не было. Из личных вещей Володи сохранился только его полевой дневник, который он вел в экспедиции на Чукотке.

— Полевой дневник Владимира Николаевича?! — обрадованно воскликнул я. — Да вы не представляете, Валентина Васильевна, какая это находка для нас! Ведь обстоятельства открытия Иультинского месторождения сейчас порядком запутаны. И дневник Владимира Николаевича, несомненно, поможет внести полную ясность в этот вопрос. Какая удача, что вы сохранили дневник!

— Уходя на фронт, Володя наказывал мне во что бы то ни стало сохранить этот дневник, говорил, что после войны, если вернется живым, снова поедет на Чукотку. Вот я и берегла его как зеницу ока. Не расставалась с дневником нигде, куда бы ни заносило нас военное лихолетье.

Обратившись к дочери, которая внимательно слушала нас, Валентина Васильевна попросила ее:

— Пойди, Лера, принеси мою шкатулку!

Валерия Владимировна вышла в другую комнату, а мы продолжали наш разговор.

— Знаете, — сказала Валентина Васильевна, — в газетах я читала разное о том, как было открыто Иультинское

месторождение. Одинец, например писал, что он первым, пролетая на самолете, увидел гору Иультин и обратил внимание на обильные россыпи кварцевых глыб на ее поверхности, и что именно сюда он направил Володю на следующий год. Это неправда! Володя много раз и очень подробно рассказывал мне о том, как было открыто Иультинское месторождение. Говорил, что по заданию Одиноца ему следовало идти с поисками вверх по Якитики, продвигаясь навстречу другим отрядам, работавшим в верховьях этой реки. Володя сам со своим отрядом вышел к Иультину, а не по чьей-то подсказке. В другой газете писалось, что к подножию горы Иультин Володю и его отряд высаживал летчик Катюхов. На самом же деле Катюхов высаживал Володю совсем в другом месте — ниже участка Скал на Амгуэме. Это больше чем за пятьдесят километров по прямой от Иультина. И было это за год до открытия месторождения, в 1936 году. А в 1937-м, когда был открыт Иультин, Володя прибыл в район работ не на самолете, а на вездеходе и сплавом по Амгуэме. Я ведь хорошо знаю те места, так как сама работала в 1938 году на Иультине вместе с Володей. Там мы и познакомились тогда.

Вошла Валерия Владимировна с небольшой шкатулкой в руках, которую она протянула матери. Та открыла ларец, взяла из него небольшой сверток и, развернув его, осторожно извлекла записную книжку в сером матерчатом переплете.

— Вот Володин дневник,— сказала Валентина Васильевна. В ее голосе прозвучала тихая грусть.

Я бережно взял дневник и, прочитав первые строчки записей, сделанных рукой Владимира Николаевича, понял, что в моих руках бесценный исторический документ, повествующий о всех перипетиях на пути к открытию оловянного Иультинского месторождения.

— Какой интересный и важный документ вы мне показали! Грешно хранить его дома. Лучшее место этому дневнику в Магаданском краеведческом музее!

— Но мне очень трудно расстаться с этой маленькой книжечкой. Ведь это единственная памятная вещь о муже.

— Я вас хорошо понимаю, Валентина Васильевна. Но считаю, что это документ большого общественного значения, и в музее он по праву займет почетное место среди исторических реликвий.

Валентина Васильевна неопределенно покачала головой и сказала:

— Мы думали, что имя Володи, как первооткрывателя Иультинского месторождения, давно всем известно. Об этом много писали. Вот недавно мне показывали солидную монографию магаданских ученых «Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней» и там написано, что Иультинское месторождение открыто Миляевым. Как жаль, что Володя не дожид до этого! Ведь при жизни он ничего не получил за это открытие.

— Не может быть! Я хорошо знаю, что даже за менее ценные месторождения олова первооткрыватели их получали высокие правительственные награды, Государственные премии и крупные денежные вознаграждения. Вероятно, вы просто не узнавали.

— Узнавали! Я-то уже не могу ходить по учреждениям, сердце больное, гипертония. Посылала дочь. Она была в Министерстве цветной металлургии СССР, и ей там ответили, что Миляева в списках первооткрывателей месторождений нет. Володя, мол, открыл только россыпи, а рудный Иультин открыл Ерофеев.

Это для меня было неожиданностью. Я хорошо знал историю открытия, разведки и освоения этого месторождения. Знал, что за прирост разведанных запасов на Иультине геологам в разные годы неоднократно выдавались крупные денежные вознаграждения. Получал их за разведку Иультина и я. Но впервые слышал, что не Миляеву, а кому-то другому был выдан диплом и знак первооткрывателя. Поэтому попытался разъяснить:

— Видимо, тут что-то напутано. Диплом за открытие

Иультина никто, кроме Миляева, получить не мог. Миляев — единственный и неоспоримый первооткрыватель Иультина!

Расстроенный этой новостью, я покинул Миляевых, пообещав зайти еще раз.

Позже узнал, что действительно диплом и нагрудный знак первооткрывателя получил за Иультин Б. Н. Ерофеев, хотя он этого месторождения не открывал.

К счастью, дочь Миляева принципиальностью и настойчивостью пошла в отца, не спасовала перед авторитетами и трудностями. Она продолжала хлопотать и в конце концов добилась положительного решения. В 1976 году Валерия Владимировна была приглашена на заседание коллегии Министерства геологии СССР, на котором заместитель министра товарищ Ермолюк торжественно вручил ей диплом отца и нагрудный знак первооткрывателя месторождений. А спустя некоторое время Министерство цветной металлургии выплатило и полагавшееся Миляеву за открытие Иультина вознаграждение.

Справедливость, как говорят, восторжествовала, правда с опозданием почти на сорок лет, но и по сей день в официальных списках первооткрывателей по Иультину все еще значатся два лица: Ерофеев и Миляев. Пора бы кому следует исправить эту ошибку. Сделать это — долг живых перед отдавшим свою жизнь за Родину Владимиром Миляевым!

В следующем году я снова навестил Миляевых, и тогда они передали мне не только этот дневник, но и несколько старых фотографий, чудом сохранившихся в семье у брата Володи Аркадия Николаевича, тоже проживавшего тогда в Москве. И вот теперь мы можем заглянуть в этот волнующий документ.

Судя по всему это сугубо личный дневник, в который заносились первичные памятные записи. Эти записи потом

переносились в служебный полевой дневник. Об этом можно судить не только по содержанию самих записей, но и по тому, что дневник хранился в семье Миляевых, а не был сдан в фонды учреждения вместе со всеми другими полевыми материалами экспедиции.

Для своего дневника Миляев приспособил сохранившуюся от предыдущей экспедиции полевую книжку. Поэтому на титульном листе напечатано: «Таджикско-Памирская экспедиция СНК СССР». Здесь же простым карандашом рукою Миляева написано название отряда: «Тамынген» и фамилия, имя и отчество исследователя: «Миляев Владимир Николаевич».

Дневник «карманного» формата (16×12 сантиметров) состоит из разлинованных в клеточку листов бумаги, сшитых вместе и заключенных в серый матерчатый переплет. Он основательно потрепан — многие листы подмочены, помяты или надорваны, на них видны следы каких-то капель и раздавленных комаров, несколько листов вырвано.

Дневник начинается с записей, которые воспроизводятся дословно, без какой-либо правки:

«11 сентября 1936 г. В 12 часов дня вылетели в Амгуэму. Облачно, но тепло, слабый юго-западный ветер. Посадка на старой базе, взят бензин. Долго заводили мотор (около 30 минут). При перелете по Амгуэме пилот показал базу № 5 экспедиции Зяблова — расположена ниже холмов, которые Амгуэма прорывает. Далее, выключив мотор, показал на видимое вдалеке море (Северный Ледовитый океан). За голубой полоской моря видны льды. В 3 часа на конечной точке топографов Зяблова. Палатки расположены на левом берегу Амгуэмы, в одном километре ниже места, где река течет по ущелью, прорывая гряду холмов... Рельеф мягкий. Горы покрыты осыпями. Хорошие обнажения встречаются редко.

12 сентября. С утра пасмурно, слабый северо-вос-

точный ветер (температура ниже нуля), слабый снег. Вскоре перестал. Маршрут в распадок, впадающий слева в Амгуэму (первый распадок после ущелья Амгуэмы). По руслу ручья встречается большое количество валунов гранита, диорита и кварца. До коренных выходов гранита добраться не удалось. По-видимому, они расположены в 15 км от впадения ручья в Амгуэму, так как видны светлые осыпи в левом борту ручья. Встречен порфировидный гранит. По маршруту оба склона ручья сложены глинистыми сланцами, изредка встречаются кварцевые жилы, кварц в них белого (молочного) цвета, слабо охристый, иногда содержит мелкие вкрапленники сульфидов (пирит, халькопирит). Взяты шлихи № 1, 2, 3. В шлихе № 16 два значка Au. Возвратились в лагерь к 6 вечера.

13 сентября. Погода аналогична 12 сентября. Пасмурно, слабый северо-восточный ветер. С утра опробовали косу в среднем течении Амгуэмы, в 0,5 км ниже ущелья. Почти во всех шлихах есть значки Au... Примерно в 3 часа дня в направлении течения Амгуэмы пролетел гидросамолет. Нас заметили (вираж)...

Далее описывается морфология долины реки, не представляющая большого интереса для читателей. Поэтому дальнейшее цитирование дневниковых записей будем продолжать со значительными сокращениями.

«14 сентября. Холодный северный ветер с утра. Пасмурно, высота облаков примерно 400 м. Осадков нет. За ночь застыла вода в кастрюлях. Снимаем лагерь. Сильный ветер мешает плыть, прибывает лодку к берегу. С трудом прошли километр. В 5 часов встали на левом берегу Амгуэмы. Ветер северный, сильный, низкая облачность. На западе видно ясное небо, с севера же по реке Амгуэме все время идет низкая облачность. Восток в тучах. Температура держится ниже нуля. На реке появляются забереги. Озера застыли.

15 сентября. Ветер крепчает. Дует сильный норд. Заметно холоднее. Пасмурно. Вечером пошел снег. Лоток при промывке быстро обледеневает. Брать пробы невозможно.

16 сентября. Все покрыто снегом. Сильный норд. Работать невозможно. Вечером дождь. Оттепель.

17 сентября. Сильный ветер и дождь. С полдня промывка проб. Ветер сильный. К вечеру в реке начала прибывать вода. К 2 часам ночи вода в реке прибыла больше, чем на полметра. Ветер утих. Небо ясное. Вода в реке продолжает прибывать.

18 сентября. Сняли лагерь в 5 часов утра и, пройдя 2 км, встали лагерем на небольшом островке. День ясный... Вышли по правому берегу реки. К 1 часу дня опять начался сильный норд. Вечером дождь. Промыты пробы в правой бортовой террасе Амгуэмы... В 3 часа дня самолет Катюхова бросил выпел.

19 сентября. С утра дождь с сильным ветром норд. С 2 часов опробовали косу, остров. Ганешин успел проложить еще 2 точки. Вечером дождь и ветер.

20 сентября. Сильный норд с утра. Иногда снег. Топосъемку вести невозможно. Плыть на лодке по реке в такой ветер нет никакой возможности: и несет против течения, и захлестывает волной.

21 сентября. Сильный норд и иногда снег. Низкая облачность. Погода не летная. Топографу работать невозможно. От первой стоянки за 9 дней пройдено около 10 км. К вечеру проясняется. Иногда солнце. Шторм продолжается.

22 сентября. Сильный ветер норд со снегопадом, работать нельзя.

23 сентября. По реке пошло сало. С трудом переместились через протоку. Плыть по реке до устья рискованно. Лодка оставлена на правом берегу реки Амгуэмы на верхней террасе между точками топографа, ниже ущелья на 8 км и на 0,5 км ниже сланцев. Под лодкой оставлено: 4 оленьих шкуры, 2 кукуля (овчинный и олений), 3 кастрю-

ли, 1 таз, 1 лоток, 2 пары резиновых сапог, чай, гречневая крупа, консервы рыбные, сахар, какао в порошке, яичный порошок, мука, соль, старые кожаные сапоги, примус».

Попытавшись сплавиться на надувной резиновой лодке к устью реки и убедившись, что при сильном встречном ветре это невозможно, Миляев принимает решение оставить все лишнее и идти дальше пешком.

«24 сентября. Пошли пешком вниз по Амгуэме по правому борту, продолжая мензульную съемку. Груза около 3 пудов у каждого... Пройдено 7 км.

25 сентября. Пасмурно. Ветер слабый. Пройдено 6 км.

26 сентября. Пасмурно. Ветер СЗ. Пройдено 5 км. Тяжело переносить инструмент.

27 сентября. Пурга. Лежим в палатке.

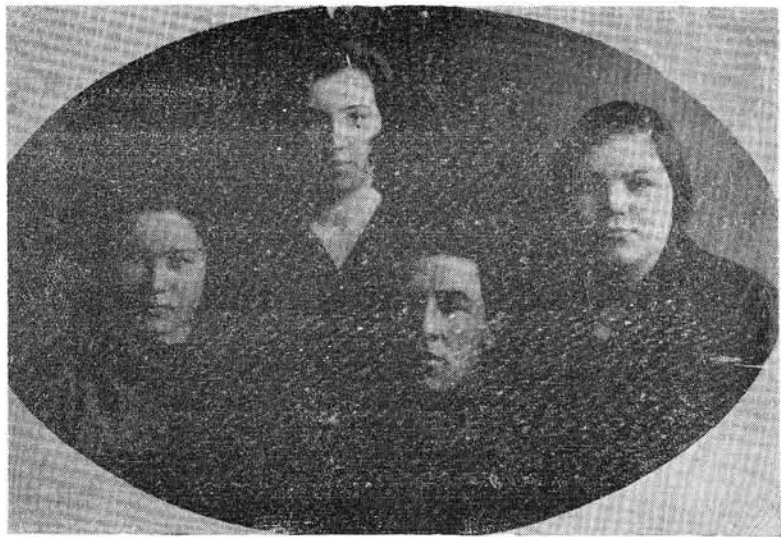
28 сентября. Пурга. Оставили инструмент на правом берегу Амгуэмы. Пошли к устью Амгуэмы с самым необходимым.

29 сентября. Сильный ветер. С утра пасмурно. Продуктов осталось на 5 дней с натяжкой на 6. Прошли 12—15 км. К вечеру разъяснилось. Ветер стих.

30 сентября. Абсолютный штиль. Туман. Слабый снег. Все протоки застыли настолько, что свободно переходим их почти в любом месте. Главное русло еще не застыло. Идет шуга. На правом берегу в 11—12 часов дня увидели 5 яранг. В это же время от устья Амгуэмы показался самолет. Приземлился в 5—6 км от нас. Непонятно зачем. Предполагая, что он ищет нас, приготовили палатку и костер. Старались привлечь внимание. Не успели развести костер, как самолет поднялся и пошел вверх по Амгуэме. Скоро возвратился, и нас опять не заметил, несмотря на все наши старания. Шел близко к нам над главным руслом, очевидно, ища лодку. Ушел на Ванкарем вдоль побережья. Думая, что он снижался возле яранг, пошли к тому месту и заночевали у одной из протоков. Пройдено 16 км.

Родители В. Н. Миляева — Николай Яковлевич и Лидия Иннокентьевна

*В. Н. Мильев с двоюродными
сестрами. Новосибирск. 1931 г.*

*В. Н. Мильев (справа) на Тур-
кестанском хребте. 1934 г.*

*В. Н. Мильев (справа) на Па-
море. 1935 г.*

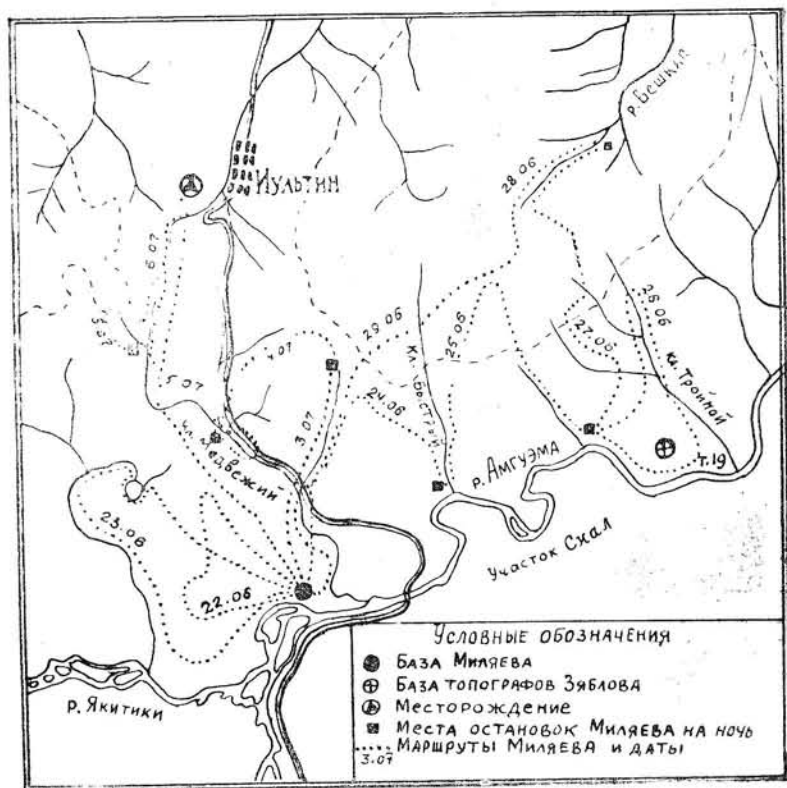

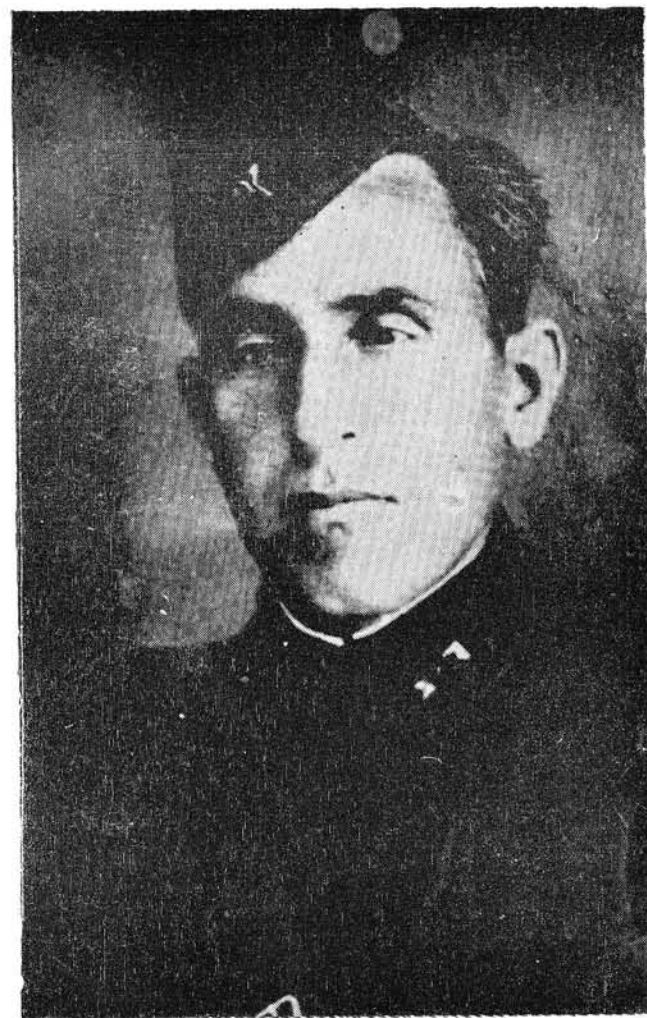
Сотрудники Второй чукотской экспедиции Гласевморпути. Стоят слева: В. Ганешин, В. Миляев, Р. Фарифьянов. Бухта Оловянная, 1936 г.

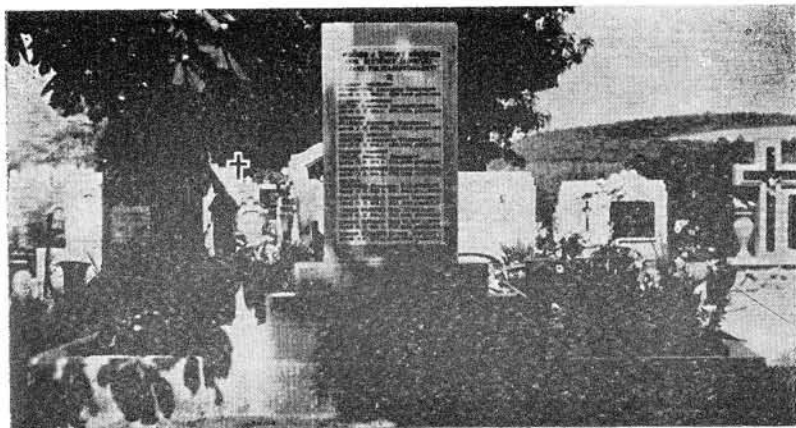
Страница из чукотского дневника В. Н. Миляева с записями, сделанными в день первого маршрута 11 сентября 1936 года

11ое сентября 1936г. 3
 12ое из 12. Выходим на берег
 Ловим на берегу много рыбы
 белуги. Тоже на берегу много
 белуги. Давно забавно много (около 30 м)
 при переезде были на берегу
 много много рыбы и в реке Зубово,
 расчистили реку Зубово, чтобы
 Океанская проходила.
 Давно выжили много много на
 берегу выжили много много
 из много много много много
 много. В 3 часа на берегу реки
 Ганешин Зубово. Там же
 расчистили на реке Зубово
 Океанскую, в реке много
 много много из реки Терки
 на берегу, много много
 много много много много
 много с Становым (?) много
 много много много много
 много много много много
 много.

†
 Схема маршрутов В. Н. Милыева В. Н. Милеев в 1943 году
 на Чукотке

Могила, в которой похоронен В. Н. Миляев

Диплом «Первооткрыватель месторождения», выданный В. Н. Миляеву посмертно в 1976 году

1 октября. Густой туман и дождь. Сильный норд-ост. Пошли к морю, надеясь найти яранги и радиостанцию, о которой говорил Одинец. Весь день шли несмотря на дождь. Вечером туман поредел, и на горизонте в устье Амгуэмы увидели триангуляционный знак, приняли его вначале за маяк. Плохо, что нет хотя бы плохонькой карты. Плохо вообще то, что сборы на работу проводились всего один час. До конца не продумано ничего. Мы даже не узнали, на каком берегу Амгуэмы расположена радиостанция. Пройдено около 18—20 км. Чувствуется близость моря... Трудно в такой обстановке и при такой погоде вести какие-либо наблюдения... Задача одна — как можно скорее добраться до Ванкарема, так как в Амгуэме мы не найдем людей, а следовательно и продовольствия, которого, кстати сказать, осталось очень немного у нас. Первый костер из плавника. Исследуя берег, случайно нашли с Васей плаху. Сделали санки. Хороший лед вдоль берега моря. Идея проехать на санках. Груз мокрый, тяжелый. Лагунный характер моря и устья. Вдали видны льды. Туман сгущается. Вечером пошел проливной дождь. Как бы не растаял лед, и санки наши будут не использованы. Тревожная ночь почти без сна. Дичи почти нет. По Амгуэме все мертво. Надежд на охоту мало. Дождь шел всю ночь».

Начиная с этой записи чувствуется, что Миляева и его товарищей охватила тревога за свою судьбу. Ведь продукты у них почти кончились, а путь предстоял еще очень долгий. Наступил октябрь, пришла зима — все перелетные птицы (гуси, утки) давно улетели. Кустарника на побережье нет, а следовательно, нет ни куропаток, ни зайцев. Было от чего встревожиться. Выход из трудного положения, в котором они оказались, был только один — «Как можно скорее добраться до Ванкарема» (так записал в своем дневнике Миляев), где, они знали, есть люди. Там жизнь! Никаких геологических наблюдений, никакой топографической съем-

ки и никакого опробования они уже больше вести не могли. И они пошли...

«2 октября. Пошли в дождь, таща санки по льду. Через 7 км пришлось бросить санки. Дождь съел лед и все наши надежды на санный транспорт. Прошли 18 км. Ночевали на песчаных буграх у моря. Единственная пища теперь у нас примерно такова: утром по кусочку или по два колбасы, несколько ложек сухарных крошек и крепкий чай, в полдень рисовая похлебка из одной банки консервов. Вечером крепкий чай. Считаем, что после сегодняшнего перехода до Ванкарема еще 62 км.

3 октября. Крепко чувствуется отсутствие продуктов. Густой туман. Видимость за 100—150 м. Вышли в 9 часов утра. Делаем по 4—4,5 км в час. Вышли к устью лагуны. Плутали по берегу лагуны. Возвратились к морю. Уха из мелких рыбок, заправленная мукой, иногда бывает вкусной. Неожиданно туман рассеялся. Сориентировались. На другой стороне пролива избушка. Надежда найти продукты. Решили переночевать на берегу. Проблема, как переправиться. Пройдено 10 км.

4 октября. Видимость — один километр. Первый плот. Моя переправа. Утки и копальген. Остатки муки. Плот унесен приливом. Ночевка в избушке...

Здесь необходимо пояснение. Они подошли к устью лагуны Нутаугэ, и, чтобы по косе прямым путем идти на Ванкарем, надо было переправиться через эту водную преграду. Никаких плавсредств у них не было. Миляев потом рассказывал жене, что они насобирали на берегу кое-какой плавник и связали небольшой плотик, который мог выдержать только одного человека. Первым решил переправиться Миляев. Веревки для вязания плота они сделали из своей одежды и палатки. Все обошлось благополучно, и он переплыл на другой берег лагуны. Но могло быть хуже: они ведь не знали, что в лагуне во время отлива образуется довольно сильное течение в сторону открытого моря. Миляев

переправился, но, пока ходил в избушку посмотреть, нет ли там продуктов, плот унесло в море. Ему пришлось одному провести ночь с 4 на 5 октября в той избушке и питаться найденным в ней прокисшим мясом гаг и моржа. Но вернемся к дневнику Миляева.

«5 октября. Веревки из палатки. Переправа на втором плоту Ганешина и Рахима. Ночевка в избушке.

6 октября. Летная погода. В 12 часов дня над берегом вдоль лагуны пролетел Катюхов. Наб не заметил. Продолжаем путь на Ванкарем, питаюсь тухлыми утками и лепешками из остатков муки... В 10 км от избушки встретили чукчей. Купили оленьего мяса и три рыбины. Пройдено 16 км. Ночевали в 6 км от яранг.

7 октября. Хорошая дорога вдоль моря по подмерзшему песку. Белый медведь. Палатка Потынского. Обжорный вечер».

На этом операцию по спасению Миляева и его спутников можно считать законченной. Они встретили сотрудников экспедиции Дитмара, и все самое страшное осталось позади. Подкрепившись как следует у Потынского, они на другой день пришли в Ванкарем.

«...8 октября. Ванкарем. Станция. Первый бюрократ в Арктике Войтецкий. Экспедиция Дитмара. В устье Амгуэмы нет радиостанции, нет фактории, нет вообще никакого жилья! Хорошо сделали, что пошли в Ванкарем, было бы плохо. Во время пути до Ванкарема была интересная мысль о том, что вряд ли будем живы».

Последняя фраза в дневнике зачеркнута. Видимо, когда нервное напряжение прошло, эта мысль смутила Миляева.

Далее в дневнике никакие записи не делались вплоть до 25 октября, когда Миляев записал: «Ванкарем. До сих пор сидим в Ванкареме и ждем летной погоды. За это время не было ни одного ясного дня».

Только 14 ноября им удалось вылететь на мыс Шмидта,

где они просидели, ожидая летной погоды, до 26 ноября. В этот день на двух самолетах Р-5 Миляев и Ганешин прилетели в бухту Оловянную на базу экспедиции. Рахим, который еще в пути к Ванкарему заболел, был оставлен на мысе Шмидта в лазарете.

Вот так закончился первый полевой сезон Миляева на Чукотке.

Начинать полевые работы со второй декады сентября — такого еще не случалось в истории Арктики! Легкомысленное поспешание в делах, требующих осмотрительности и хорошей подготовки, могло привести к трагедии.

Важно отметить, что Миляев с присущей ему прямоотой и принципиальностью сделал все от него зависящее, чтобы этот урок послужил на пользу делу. К полевому сезону следующего года готовились всю зиму и постарались все предусмотреть вплоть до мелочей.

На второй корочке полевого дневника Миляева написан план выступления на собрании экспедиции, где, в частности, содержатся и такие тезисы:

«1. О бесперспективности бассейна реки Якитики и необходимости перенесения внимания на левобережную часть долины Амгуэмы.

2. Основная задача: выяснение рудоносности района левобережной Амгуэмы в сезон 1937 года.

3. «Точки Серпухова» не миф! Олово в районе есть, его надо искать и найти.

4. Быт экспедиции.

5. Сотрудничество и взаимопомощь организаций, работающих в Арктике.

6. О стахановском движении в экспедиции».

Из тезисов Миляева видно, что он прекрасно разбирался в делах экспедиции, правильно определял перспективы и направление работ, заботился о быте и общественной

жизни коллектива, призывал к ударному труду и сотрудничеству с другими организациями, работавшими тогда на Чукотском полуострове. Неудача первого знакомства с Чукоткой и Арктикой его не поколебала, а скорее мобилизовала на преодоление трудностей, которые могут быть впредь.

Ранней весной 1937 года, вопреки убеждению Миляева о бесперспективности бассейна реки Якитики, отряд его был отправлен с базы в бухте Оловянной на имевшемся в экспедиции вездеходе ГАЗ-АА в устье реки Якитики с целью организовать там временную базу и начать поиски, двигаясь рабочими маршрутами вверх по Якитики на соединение с улетевшим туда ранее отрядом Одинца и Шпилько.

Но Миляев не был бы Миляевым, если бы легко отказался от того, во что верил. Поэтому, отступая от полученного задания, он решил все же проверить тот район, о котором с жаром говорил на производственном собрании экспедиции перед выездом в поле.

В состав отряда Миляева на этот раз, кроме Фарифьянова, уже проверенного на прочность, вошли еще трое рабочих — Анисимов, Миронов и Рудь. Топограф Ганешин работал в 1937 году самостоятельным геодезическим отрядом. Миляев с отрядом выехал на Амгуэму в конце мая на вездеходе, дождался весеннего паводка и на резиновых лодках в середине июня сплавился к устью Якитики. Здесь организовали временную базу, на которой постоянно жили Анисимов и Рудь.

Как добирался отряд Миляева до Амгуэмы, нам выяснить не удалось. Но на том же вездеходе десятью годами позже мне самому довелось проделать почти тот же самый путь, и должен сказать, что это была совсем не легкая задача! Больше месяца длился наш переход, и происшествий всяких было вдоволь, особенно поломок вездехода в пути. Поэтому не сомневаюсь, что и у Миляева на пути к Амгуэме было много всяких ЧП. В дневнике об этом ничего нет,

вероятно, никаких записей в пути не делал. Снова вести дневник Миляев стал, когда они вышли в первый рабочий маршрут. Это произошло 22 июня, а уже 6 июля был открыт Иультин! Как это все произошло, видно по записям Миляева в дневнике.

От первого выхода в маршрут и до открытия месторождения прошло всего 15 дней. Вот это темпы! А все потому, что у Миляева была правильная стратегия поиска, невероятное упорство в достижении поставленной цели, огромное трудолюбие, знания и опыт! Грамотно и целеустремленно ведя поиски, он подробно записывает в дневник каждый свой шаг, каждое обнажение, делает зарисовки. Все его записи представляют большой интерес для специалистов-геологов, но не для широкого круга читателей, поэтому мы в дальнейшем приводим их в сокращении, обозначая пропуски многоточием.

Итак, предлагаем читателям выписки из дневника Миляева за 1937 год.

«22 июня. Устье р. Якитики. Вышли из лагеря в 9 часов 10 минут в направлении 310°. Через 1,5 км хода по затундренной пойме встретили старые морены, сложенные разнообразным материалом...»

Далее в дневнике на нескольких страницах дается описание геологических наблюдений за день. Это был первый рекогносцировочный маршрут, и многого они сделать не смогли — еще не втянулись в работу, к тому же было очень тяжело идти. Всегда первые маршруты организм переносит с трудом, ему нужно перестроиться на интенсивную отдачу энергии. В лагерь возвратились рано и стали готовиться к маршруту следующего дня.

«23 июня. Усть-Якитики. Вышли в 9 утра в направлении второго ручья вверх по Якитики от первого лагеря...»

Далее опять идет описание геологических обнажений. По записям видно, что пока ничего интересного Миляев не встретил. Записи лаконичны, и по ним чувствуется, что у Миляева нет особого желания вести поиски в указанном ему направлении. Ведь в прошлом году они работали километрах в двадцати ниже по Амгуэме и несмотря на позднюю осень, а вернее уже зиму, взяли там несколько проб, в которых было и золото и другие рудные минералы. Да и для поисков месторождений олова геология там была более благоприятной. Все эти сомнения, видимо, не покидали Миляева, и он, сделав два маршрута вверх по Якитики, на третий день решает повернуть в противоположную сторону и пойти в направлении к тому месту, где они взяли несколько проб с золотом и другими рудными минералами в прошлом году. Они пошли в сторону участка Скал, где была взята шлиховая проба № 19, то есть к конечной точке маршрута топографов Зяблова, от которой они в прошлом году начинали свой злополучный маршрут.

«24 июня. Первый ключ недалеко от впадения в Амгуэму... Ручей круто поворачивает вдоль гор, принимая в себя небольшой приток, впадающий с левого борта. Перейдя ручей, пошли вдоль по крутосклонному распадку в направлении СВ — 10° (в верховьях его видели первого в нынешнем году медведя)... Дальше пошли вниз к Амгуэме по распадку, спускающемуся в направлении 290°... Повернули к северу и спустились в глубокий распадок, по которому течет столь значительная речка, что нельзя перейти вброд. Берега круты и скалисты. Пройдя некоторое расстояние, заночевали в верховьях этого ручья».

Все, что касается описания пути, цитируется нами без сокращений или пропусков. Это делается с надеждой, что следопыты или местные туристы (из Эгвекинота или Иультина) захотят когда-нибудь повторить маршрут первооткрывателя Иультина.

В этом маршруте они увидели медведя, и ручей, где он бродил, с тех пор назвали ключом Медвежьим.

Маршрут в эту сторону оказался интереснее, о чем свидетельствуют записи в дневнике, которые стали более подробными, как и описание образцов и проб, которые Миляев стал брать больше. В кварцевых жилах и в пробах начали встречаться рудные минералы.

Переночевав в долине речушки, они на следующий день продолжали маршрут в том же северо-восточном направлении.

«25 июня. Ход на СЗ — 340°. В 10 часов утра переправились через бурный ручей... Через 1,5 км повернули по азимуту СВ — 20°... Очевидно близки граниты? Вышли на гранитный перевал. Вдали видны Чукотское море, льды и почти вся долина Амгуэмы до моря. Перевал и ближайшие на СЗ горы сложены гранитами... Пошли вниз по ручью, впадающему в Амгуэму возле Скал. Слияние двух речек... Ночевали возле впадения ручья в Амгуэму...»

Во время этого маршрута Миляев впервые зашел на Восточно-Иультинский гранитный массив, дважды пересек контакт гранитов с вмещающими породами и был обрадован изобилию дайковых образований и кварцевых жил. Интуиция и опыт ему подсказывали, что поиски идут в нужном направлении, только надо быть очень внимательным и не лениться чаще простукивать молотком свалы горных пород, чаще брать шлиховые пробы, детальнее наблюдать и описывать обнажения. И он это делает!

«26 июня. Переход к месту взятия шлиха № 19...»

То есть они направились к тому месту, где в 1936 году были взяты пробы с видимыми «значками» золота. Это первый левый распадок ниже ущелья Амгуэмы. Отсюда они пошли на восточный гранодиоритовый массив, пересекли

его, спустились в долину речки Вешкап, снова поднялись на массив и спустились с него в сторону своей базы на Амгуэме. Во время этого четырехдневного маршрута Миляев делает много записей и зарисовок в своем дневнике, очень грамотных и детальных. Описывает ледниковые трог, гранитные кекуры (останцы), подмечает связь расцветок лишайников с составом тех глыб, на которых они растут, обнаруживает сульфидную минерализацию в кварце и т. д. В одном месте подчеркнуто: «отметить при записи в полевой дневник», что подтверждает предположение о том, что этот дневник был черновиком, а основной писался в другом блокноте. Но продолжим цитирование:

«26 июня. Переход к месту взятия шлиха № 19... Маршрут в первый левый распадок по аз. 40°... Маршрут продолжен вверх по левому распадку. Ручей принимает в себя два притока справа. Ход по тому же распадку... Пройдя еще 2 км вверх по ручью, повернули обратно к стоянке, не дойдя до гранитов, которые хорошо видны на перевале. Возвратились на стан в 11 ч.

27 июня. Первый левый распадок ниже амгуэмских Скал. Вышли в 11 ч. дня... (Описывается пересечение Восточно-Иультинского гранитоидного массива.— Г. Ж.). Заночевали у выхода ручья из гор в большую долину с речкой, идущей в направлении СВ... (долина рч. Вешкап.— Г. Ж.).

28 июня. Ручей, стекающий с СВ склона гранитной горы. Пасмурно. Туман закрывает все вершины. С 10 часов дождь. Задул северный, дождь усиливается. К 10 часам вечера дождь перестал. Пасмурно. Ходили по распадку промывать шлихи... В 11.30 ночи вышли вверх по двойному распадку в направлении 233°.

29 июня. В 2000 м от стоянки... повернули по аз. 170°... Поднялись по правому склону распадка на водораздел, с которого ручьи стекают в Амгуэму... Пройдя по водоразделу в ЮЗ направлении, встретили выходы гранитов в ви-

де шпилей... Спустившись с перевала в истоки Быстрого ручья и перевалив в Медвежий, в первом часу ночи возвратились на основную базу».

Обратите внимание: вышли в маршрут 28 июня в 23.30 и закончили его 30-го в первом часу ночи. Были в рабочем маршруте больше суток и прошли по высоким горам, беря пробы, рисуя рельеф, описывая обнажения и фиксируя геологические наблюдения свыше 30 километров! Вот так всегда работал Миляев — и в Голодной степи, и в горах Памира, и на Чукотке! Так стоит ли удивляться, что ему часто везло? Труд, самоотверженный труд, в котором не щадят себя, — вот слагаемые его успехов.

30 июня, 1 и 2 июля Миляев и его спутники задержались на базе. Погода была пасмурная, холодная, шел дождь, горы окутал туман. Идти в маршрут было нельзя. Миляевцы решили привести в порядок образцы, записи и немного отдохнуть.

И вот наступило 3 июля 1937 года, когда Миляев со своим поисковым отрядом отправился в тот маршрут, который навсегда вписал его имя в историю развития оловодобывающей промышленности страны, в историю освоения минеральных богатств Чукотки. Учитывая важность сказанного, я позволю себе все относящиеся к этому маршруту записи в дневнике Миляева привести без сокращений.

«3 июля. Ручей рядом с Медвежьим распадком. Из лагеря вышли в 12 часов дня. Отправил базу вверх по Яки-тики на 12—15 км. Маршрут на СВ — 12° и С вверх по распадку, т. 21*. У выхода ручья из ущелья обнажаются пласты сланцев и песчаников. Проследивание состава свиты... Пройдя по гребешку сланцев, проходящих в направлении на север вверх по распадку, осмотрели выходы кварца. Пусто! Выходы крупных кварцевых штоков. С гребешка ви-

* Так обозначаются в дневнике места («точки») взятия проб или описываемых обнажений. — Г. Ж.

дели медведя в устье распадка. Заночевали возле перевала (недалеко от точки 7 29-го июня). В 2 км от контакта появляются узловатые сланцы — контактовое воздействие гранитов.

4 июля. Верховья левого притока Медвежьего распадка. Склоны распадка сплошь покрыты осыпями. Из осыпи взят обр. № 37 (характер изменения сланцев глинистых и песчанистых) 37 и 37^a (М 3)*. Большое количество кварцевых осей со склонов. Кварц белый, сахаровидный, рудных минералов не встречено. Характер контактов со сланцами. Обр. № 38. Слюдка 38^a (М 4). В осыпи в борту распадка взят образец лейкократовой полевошпатовой мелкозернистой породы с мелкими кристаллами турмалина. Обр. 39 контакт со сланцами (М 5). По-видимому, жила турмализированного аплита в сланцах»...

Вот она первая зацепка! Минерал турмалин является характерным спутником касситерита и служит важным признаком при поисках месторождений олова. Миляев это прекрасно знал. По записям в дневнике видно, что он замедлил продвижение по маршруту, стал чаще брать образцы, детальнее описывать обнажения и высыпки жильных пород. Если в предыдущие дни он заполнял в своем дневнике полстраницы или страницу, то четвертого июля заполнил записями целых три страницы. Цитируем дальше:

«...Поднялись по распадку на перевал, осматривая кварцевую осыпь. С перевала хорошо виден контакт гранитов со сланцами. Нанесен на стотысячную при помощи засечек. Весь перевал и оба склона сложены метаморфическими сланцами. Обр. № 41 (М 7). Возле спуска с перевала взят из осыпи образец кварца № 42 (М 8). Кварц сероватого цвета содержит мелкую слюдку, у зальбандов кристаллы тетрагональной сингонии, призмы зеленого мягкого минерала...»

* Буква М с цифрой 3 означает: мешочек № 3 и т. д. — Г. Ж.

Похоже, что Милев обнаружил обломок кварцевой жилы с мелкими кристалликами касситерита («тетрагональной сингонии») и скородита — вторичного минерала, образующегося из арсенопирита при его выветривании. Эту находку следует считать второй важной поисковой «зацепкой» в данном маршруте. А маршрут продолжается.

«...Ночевали у впадения ручья в Медвежий. Ходили с Борисом увязывать ходы и рисовать рельеф. Находимся недалеко от ущелья Медвежьего ручья.

5 июля. Верховье ручья Медвежьего. У места стоянки взят шлик № 11^м, шлика очень мало, темный. В речке взят образец темного гранита с фенокристами. Обр. № 43. Прошли вверх по ручью до истоков; оба борта долины сложены сланцами, в которых заметно изменение под воздействием гранитной интрузии. Сланцы, очевидно, глинистые, преобразованные в узловатые (кордиеритовые). Обр. 44 (М 10). По бортам долины все склоны завалены осыпями. Замеров залегания сланцев произвести нигде не удалось. На левом склоне распадка крупная осыпь кварца, глыбы достигают размеров 1×2 м (и мельче). Кварц белый с сероватым оттенком, имеет зернистое строение. Рудных минералов не встречено. Взят обр. № 45 (М 10)».

Заметьте, Милев акцентирует внимание на том, что рудных минералов не встречено. Раньше подобных записей он не делал. Зачем писать о том, чего нет?! А здесь пишет! Это значит, что все его внимание теперь сосредоточено на том, чтобы найти эти минералы, найти месторождение, так как признаков, благоприятных для этого, становится все больше. Значит, они на верном пути.

Продолжим чтение дневника:

«...В верховьях распадков разветвляется на три истока, которые образуют широкую водосборную воронку и, сливаясь вместе, образуют широкую долину, имеющую пример-

но такой поперечный профиль (нарисована широкая блюдцеобразная долина.— Г. Ж.). У перевала отдыхали и обедали».

Это перевал в верховье речки Иультинки. Они наверняка уже могли увидеть гору Иульти и на ней обилие свалов мощных кварцевых жил. Во всяком случае свой дальнейший маршрут они продолжали именно в этом направлении, но не спешили, а тщательно обследовали по пути все распадки и склоны. Читаем дальше:

«...На перевале, сложенном сланцами с дайками основных пород (встречено много, взят обр. 46^а). Обнажаются слои сланцев, переслаивающиеся с плотными тонкозернистыми песчаниками... В 250 м от перевала в направлении ЗСЗ 330° замерены элементы залегания сланцев. Обр. 46. Далее ход вниз по распадку в том же направлении. На противоположном берегу ручья высыпки жильного гранита. Обр. 46^в (М 11). Кварцевые жилы. Кварц темный. Обр. 46^с (М 11). Гранит гнейсирован, темно-серого цвета, мелкозернистый. Маршрут в распадок к гранитам. Обнажение сланцев (обр. 46). Кварцевые жилы, прорывая сланцы послойно, четковидны, неправильной формы, часты раздувы, внедрения. Почти мигматиты. Ближе к контакту появляются сланцы как слоенный пирог. Обр. 47 (М 12). Контакт аналогичен описанному выше. Аплиты по контакту, большое количество кварцевых жил. Образцы гранита 48 и 48^а (М 13). Образцы для анализа в мешочке № 14. Взятые из распадка, в который ходили, оставив палатку в устье... Турмалин в аплите...»

Обратите внимание: они оставили палатку и, следовательно, разгрузились от образцов и лишних вещей. Так делается для того, чтобы налегке обойти интересный участок со всех сторон и взять побольше проб и образцов, побольше осмотреть обнажений и высыпок интересных горных пород. Они опять встретили аплиты с турмалином — спутником

минералов олова! Конечно же Миляев по всей геологической обстановке понимал, что где-то близко должно быть месторождение. Переночевав в палатке, которую оставили в устье распадка, утром 6 июля они пошли в сторону вершины, которую видели с перевала, и обратили внимание на обилие кварцевых глыб на ней.

Вот что записал Миляев в тот исторический день:

«...6 июля. Маршрут по распадку, против которого расположена точка 29. Впадает в широкую долину слева (в речку Иультинку — Г. Ж.). В устье распадка обнаружены глыбы грейзена, содержащие вольфрамит и арсенопирит. Кварцевые глыбы с вольфрамитом и оловянным камнем...» (выделено мною.— Г. Ж.).

Вот и свершилось! Так было открыто Иультинское месторождение! Но пока оно безымянное. Название ему Миляев дал потом и потом вписал это название на 33-ю страницу дневника, где описан маршрут того дня, в который было открыто месторождение. Первая находка крупных глыб руды, богатой руды, сняла всякую усталость. Они всюду видели руду, да еще какую! Миляев и его спутники ликовали. А когда немного успокоились, то, сбросив рюкзаки, полезли вверх по склону горы и всюду находили свалы рудного кварца с крупными включениями рудных минералов. Даже по тому, что они видели на поверхности, было ясно — найдено крупное и богатое месторождение. Когда довольные набегались по склонам высокой и крутой горы и убедились, что вся она, от подножия до вершины, пронизана рудными жилами, уставшие, но довольные, собрались вместе и стали решать, что делать дальше. Миляев записал в дневник:

«...Месторождение в левом борту распадка недалеко от слияния ручьев водосборной воронки широкой долины (Иультин). Оловянный камень, вольфрамит, арсенопирит,

шеелит, висмутин(?). Мусковитовая оторочка вдоль заландов кварцевых жил, жилы грейзена. Пластовые, секущие. Описание месторождения в общей тетради и в дневнике отряда, на странице 62...»

Миляев в первый же день дал полное описание главных рудных минералов. Еще одно доказательство его высокой квалификации и таланта геолога-поисковика. Миляев и его спутники весь день шестого июля провели на месторождении, а к вечеру отправились в обратный путь, о чем свидетельствует запись в дневнике, обозначенная той же датой:

«6 июля. Возвратились на Якитики за продуктами. Сообщили об открытии ребятам.

7 июля. Отдыхали. Ловили рыбу в узком затоне. Вечером, подыскав аэроплощадку, перевезли базу на левый берег Якитики. Решено отправить на Перевальную Руду и Анисимова за продуктами с байдарой. Попутно сообщить об открытии...

8 июля. Утром на рассвете выехали Рудь и Анисимов. Сборы на месторождении.

9 июля. Переход на месторождение с продуктами. Неудачный путь через гранитный перевал. Шли 18 часов. На месторождение пришли в 6 часов утра десятого июля...»

Дальше записей нет. Страницы 35—40 вырваны. Снова записи в дневнике Миляев начинает только через месяц, 2 августа 1937 года. Это объясняется тем, что все это время он не ходил в маршруты, а был занят на месторождении проходкой поисковых и разведочных канав, документацией горных выработок и опробованием рудных жил.

Из дальнейших записей в дневнике можно понять, что в начале июля на Иультин прилетал извещенный Миляевым об открытии месторождения Одинец, и они вместе составили срочную депешу в Москву с просьбой направить в залив Креста хорошо оснащенную технику геологораз-

ведочную экспедицию, чтобы как можно быстрее начать разведку Иультинского месторождения.

Тридцатого августа погода резко ухудшилась. Внезапно наполнили тяжелые серые тучи, подул колючий северный ветер. К вечеру пошел моросящий осенний дождь, сменявшийся снегом. На утро следующего дня все кругом стало белым. Это означало, что надо сворачивать работу и срочно уходить на базу экспедиции в бухту Оловянную.

На ликвидацию всех дел понадобилось пять дней. Четвертого сентября все уже были в устье Якитики, и на следующий день, разделившись на две группы, отправились в путь. Одна группа пошла прямо на базу, а Миляев с Ганешиным, Фарифьяновым и рабочим Анисимовым спустились вниз по Амгуэме к участку Скал, где Ганешину надо было закончить начатую в прошлом году топографическую съемку и забрать оставленный там геодезический инструмент.

Дневниковые записи Миляева за последние пять дней заслуживают того, чтобы их воспроизвести дословно:

«5 сентября. Отъезд в разные стороны. Продырявлен клиппер-бот, оставлен на берегу Амгуэмы. Ночевали на песке в скалах. Ночной альпинизм. Это же голова!»

Поясню, что случилось. Они отплыли из устья Якитики вниз по Амгуэме на надувной резиновой лодке. Но лодка оказалась продырявленной. Пришлось ее бросить и идти пешком. Но случилось это уже в том месте, где Амгуэма течет в «трубе», зажатая с двух сторон скалами. Заночевали на узкой прибрежной полоске песка, а ночью уровень воды в реке резко поднялся (ведь все эти дни в верховьях шли дожди!), и песчаную отмель затопило. Кругом отвесные скалы. Что делать? Вот и пришлось, спасаясь, заняться «ночным альпинизмом». И правильно Миляев восклицает: «Это же голова!», то есть думать надо, когда устраиваешься на незнакомом месте!

«6 сентября. Утром ветер и снег. Пришли к 19-му шлюху. Ветер усиливается.

7 сентября. Сильный ветер и снег.

8 сентября. Сильный ветер и снег. Изорвало палатку. Ночью пошел дождь. Первая ночь из всей жизни и работы на Чукотке проведена так отвратительно. Может ли быть приятно, когда по вас всю ночь бьют мокрой палаткой?

9 сентября. Утром перестал дождь, и к 12 часам утих ветер. Ясно и тепло. На Юг снегу меньше, на Север снегу больше.

10 сентября. Вася закончил 1:25 000 съемку россыпей. Ванечка промывает без конца золото. Рахим не боится ни дьявола. Завтра в обратный путь.

В три часа дня в том месте, где в прошлом году оставили лодку (в 8 км от стоянки), увидели двух человек, спускающихся с террасы к реке. После обеда (в 5 часов) пошли навстречу. Шесть человек в задрипанной палатке. Папиросы. Лимоны. Спирт. Одинец болен. Вернулись в свою палатку в 11 ночи».

Вот и все! Дневник на этом заканчивается, но на последней, 62-й странице есть краткое описание Иультинского месторождения и объясняется происхождение этого названия. Миляев пишет что «Иультин» в переводе с чукотского на русский язык означает «Длинные перья». «Возможно,— пишет Миляев,— что чукчи дали это название за длинные кварцевые жилы, расположенные на склоне горы Иультин».

Из дневника видно, что слово «Иультин» везде вписано позднее. Вероятно, это сделано было тогда, когда повстречались чукчи, и у них удалось узнать название речек и гор.

С чукчами они действительно встречались, причем непосредственно на месторождении, так как в отчете о результатах работ Второй Чукотской экспедиции, хранящемся в геологических фондах, помещена фотография того самого места долины речки Иультин, где теперь расположен

поселок Иультинского ГОКа имени В. И. Ленина. На этой фотографии, сделанной Миляевым, большое стадо домашних оленей. Следовательно, во время работы геологов на Иультине их навещали местные жители — оленеводы.

Дневник заканчивается накануне знаменательной даты: ведь именно одиннадцатого сентября прошлого года с этого самого места отправились Миляев, Ганешин и Фарифьянов в свой злополучный маршрут, едва не стоивший им жизни. Вспомнили ли они об этом?

11 сентября 1937 года, в тот «юбилейный» для них день, они тоже вышли в маршрут, но на этот раз их путь лежал не на Ванкарем, а в бухту Оловянную — на базу экспедиции, где со дня на день ожидалось прибытие корабля, на котором вся экспедиция должна была возвращаться в Москву. На том же корабле ожидалось прибытие смены — нового состава Второй Чукотской экспедиции. Ей предстояло принять от уезжающих в Москву все дела, как двумя годами раньше принял их Одинец у Зяблова, чтобы продолжить «геологическую эстафету».

Такова доподлинная история открытия Иультинского месторождения.

А вот как описывает все это сам начальник экспедиции Ю. А. Одинец, передавший родственникам В. Н. Миляева свои записи: «Наши встречи с Володией Миляевым». Вот что он написал в той части, где вспоминает о совместной работе на Чукотке:

«Время, проведенное в экспедиции на Чукотке, не прошло даром. Это были интереснейшие, полные радостного труда дни. Поисковые работы были организованы удачно. В результате мы обнаружили три промышленных месторождения олова, вольфрама, золота и ряда перспективных площадей. Экспедиция имела хорошую химическую и минералогическую лабораторию, поэтому зимой мы вели исследовательские работы, рабочие продолжали разведку и добы-

чу руды, отряды готовились к лету, к выходу в глубь Чукотки.

Ранней весной мой отряд был первым заброшен на самолетах в верховье реки Якитики. Отряд геолога Миляева совместно с парторгом механиком Шубиным выехал на левобережье Амгуэмы, где нами осенью было найдено золото и олово, на поиски коренных месторождений.

В полярные дни мы работали, не считаясь со временем. За период полевых работ пришлось испытать много трудностей и приключений. Как-то под вечер остановились на ночлег. Расположились на высокой ледниковой террасе, откуда хорошо была видна всячая ледниковая долина и над ней, как будто замыкая ее, крутая скала. Вдруг до нас донесся чей-то голос... Это вдали, под горой, комсомолец из отряда Ганешина, чукча Таничейвин пел песни. Потом мы разглядели и Ганешина. Наш кашевар сидел у костра, а я дал ему задание следить за отрядом Ганешина и ориентировать, по возможности, их путь к нашему лагерю. Мы сидели в палатке, и когда раздался крик: «Скорей, люди гибнут!», я выскочил из палатки и увидел такую картину. Сверху, из ущелья, ярко освещенного последними лучами солнца, подымался громадный снежный столб... Шла лавина... Отряд Ганешина находился в воротах ущелья. Ему грозила верная гибель. Мы кричали что есть силы. Наконец люди услышали нас и, поняв в чем дело, бросились бежать. Момент — и лавина с оглушительным шумом вылетела из ущелья, подхватив наших друзей, и они исчезли. Облако снежной пыли еще минут десять обволакивало окрестность. Трудно было разглядеть что-либо.

Мы бросились к месту происшествия. Пересекли глубокий овраг и речку, промокли насквозь, пока добрались до ущелья. Ганешина увидели сразу. Он был жив, но в руках и на спине у него ничего не было. Все топографическое оборудование и инструмент пришлось бросить. Таничейвина нашли спустя некоторое время под снегом. Он был ранен. Лавина его протащила по склону метров двести пятьдесят.

Пострадавшим быстро оказали помощь, нашли все потерянные вещи и инструменты. Угостили горячим ужином и порцией «из» (спиртного).

На следующий день мы продолжали свой маршрут.

Летом геолог Миляев со своим отрядом обнаружил оловянное оруденение на Иультине. Он прислал с летчиком Каминским срочное донесение с просьбой оказать ему помощь. Я приказал отрядам, находившимся вблизи, приостановить свои работы и переключиться на планшет Иультина, а сам с Каминским вылетел к Миляеву. Всем коллективом мы обследовали речную долину и склоны реки Иультин, обнаружив богатые россыпи и серию рудных тел с хорошим содержанием оловянного камня и вольфрамита.

Отряд Миляева занялся расчисткой, проходкой мелких горных выработок и документацией рудных тел, а мой отряд — геологическим оконтуриванием рудной зоны, поисками, геологической съемкой и опробованием россыпей в речной долине. Топографический отряд Ганешина вел топо съемку и наносил на топооснову разных масштабов выходы рудных тел, горные выработки и делал привязку геологической документации.

В результате было оконтурено рудное поле Иультина, выявлено более сорока рудных тел, взяты технические пробы, опробована оловянно-вольфрамовая россыпь в Рудном распадке и в долине, и попутно добытая руда переправлена к месту погрузки на пароход.

Осенью 1937 года нам сообщили, что авиагруппа Каминского переключается на поиски самолета Леваневского*

---

* Леваневский Сигизмунд Александрович — летчик, Герой Советского Союза. В 1934 году участвовал в операции по спасению члюскинцев. 12 августа 1937 года Леваневский на самолете Н-209, имея на борту 6 человек экипажа, совершал перелет через Северный полюс в США. 13 августа связь с самолетом, попавшим в тяжелые метеорологические условия, прекратилась. Поиск оказался безуспешным, экипаж погиб.

и потому перевезти нашу партию из центра Чукотки в залив Креста на самолетах не сможет.

Мы решили взять все геологические материалы и отправиться пешком. Но обстоятельства требовали провести обследования ряда мест и побывать в устье Амгуэмы.

Уставшим за лето людям предстоял трудный путь: пройти пешком около 300 километров, пересечь почти весь Чукотский полуостров.

Маршрут проходил по совершенно безлюдной местности, в условиях полного бездорожья, первых заморозков и снежных метелей. Весь путь мы прошли за 12 дней, имея при этом запас продовольствия всего на 6 дней.

На открытых месторождениях (речь идет о Пиинкунском месторождении мышьяка, открытого в бухте Оловянной, а не об Иультине.— Г. Ж.) мы организовали попутную добычу руды, которой постоянно занимались старый горняк П. Г. Оленченко и И. В. Линник. Мы вывезли к берегу столько руды, что ее хватило на целый пароход.

После ряда препятствий, благодаря заботе И. Д. Папанина*, руда была доставлена во Владивосток, а реализация ее не только покрыла затраты экспедиции, но дала прибыль.

Впоследствии И. Д. Папанин, выступая на общем собрании работников Главсевморпути, ставил в пример, как надо вести исследования в Арктике: «Не ограничиваться одними теоретическими рассуждениями, но и давать как можно быстрее отдачу государству, вводя в орбиту промышленного освоения вновь найденные месторождения полезных ископаемых».

Академики И. Ф. Григорьев, С. С. Смирнов и Д. И. Щербаков, бывшие консультанты по нашему отчету, дали тоже хорошие отзывы.

---

* Папанин Иван Дмитриевич — известный исследователь Арктики, доктор географических наук, контр-адмирал, дважды Герой Советского Союза. В 1939—1946 гг. был начальником Главсевморпути.

В результате проделанной работы была доказана рентабельность строительства горнорудных предприятий на Чукотке.

Однако организации дальнейших работ по освоению месторождений помешали люди, которые смотрели на развитие Чукотки по-иному. Это надолго задержало освоение богатейшего края».

Объективности ради следует сказать, что в официальном документе, каким является «Отчет 2-й Чукотской экспедиции по работам в центральной части Чукотки в 1936—1937 гг.» (авторы Одинец, Шпилько и Миляев), о добытой руде сказано так: «...Кроме того добытая нами мышьяковая (здесь и дальше выделено мною.— Г. Ж.) руда в количестве около 400 куб. м и частично не перевезенный из района месторождения оловянно-вольфрамовый концентрат в случае их доставки на материк в значительной мере окупил бы затраты экспедиции...» И это не совпадает со сказанным выше.

Кроме того, необходимо также уточнить сведения об условиях освоения Иультина. Во-первых, никто не тормозил освоения богатых месторождений Чукотки. Оно началось и всемерно формировалось сразу же, как только за дело взялся Дальстрой, то есть с 1939 года. Освоение же Иультина задержалось из-за строительства морского порта, автодороги, ЛЭП и комбината, что, как известно, требует много времени. А мышьяковые концентраты Иультина и до сих пор пока не находят сбыта. Рентабельность строительства горнорудного предприятия в 1937 году тоже еще была не доказана, так как месторождение не было разведано, запасы оставались не известны, не было и никаких технико-экономических расчетов, необходимых для принятия решения о строительстве ГОКа.

Помешали быстрому освоению Иультинского месторождения чрезвычайные трудности, связанные с Великой Отечественной войной, а также из-за отсутствия поблизости

морских портов. Несмотря на поистине героические попытки быстро освоить Иультин, только в самом конце сороковых годов, когда была создана мощная строительная организация Чукотстрой, дело сдвинулось. Но и Чукотстрою понадобилось почти пятнадцать лет, чтобы построить морской порт в Эгвекиноте, ТЭЦ в Озерном, автодорогу и ЛЭП на Иультин и Иультинский ГОК, носящий ныне имя В. И. Ленина.

Как видим, воспоминания Одинца не совсем объективны, но интересны тем, что дополняют сведения об условиях работы геологов на Чукотке в те годы.

Однако вернемся к последней записи, сделанной Миляевым в дневнике.

Итак 10 сентября 1937 года, находясь на участке Скал, в том самом месте, откуда ровно год назад вместе с Ганешиным и Фарифьяновым Миляев отправился в свой первый северный маршрут, он сделал в 11 часов ночи последнюю запись в дневнике: «Завтра в обратный путь». Вот так буднично и просто была подведена черта под всем, что было сделано за многие дни и ночи напряженного труда в экстремальных условиях еще не обжитой в те годы Арктики.

Возвращение Миляева, Ганешина, Фарифьянова и Анисимова (они шли вчетвером) на базу экспедиции в бухту Оловянную тоже было нелегким. Шли пешком, неся на плечах все необходимое: продукты, спальные мешки, палатку, рудные пробы, образцы горных пород, руды и другие геологические материалы, личные вещи и ценные инструменты. На плечи каждого давил груз, весом до шестидесяти килограммов.

Наступила зима. Всюду лежал снег, хотя большие реки еще не замерзли, но озера и старицы были уже покрыты тонким льдом. Кочки в тундре тоже подмерзли и превратились в настоящие надолбы. Ходить по такой «дороге» трудно даже налегке.

От Иультина до базы надо было пройти свыше двухсот

километров по прямой, без всяких троп и дорог, и перевалить в пути два высоких и крутых горных перевала, переплыть широкую и быструю Амгуэму, преодолеть вброд десятки горных рек и речушек. По трудности этот переход можно сравнить только с тундровой эпопеей предыдущего года, когда они выбирались с участка Скал на Ванкарем и в пути чуть не погибли.

Однако, по рассказу Миляева, ему и его товарищам на этот раз шагалось гораздо легче, и не только потому, что организм за лето был натренирован к подобным переходам и перегрузкам, а потому, что возвращались они окрыленные открытием крупного оловянно-вольфрамового месторождения, каких тогда еще не знала наша страна. Важным итогом работы экспедиции было и то, что окончательно подтвердилась промышленная перспективность оловоносности недр Чукотки. Вот почему настроение у возвращавшихся на базу было радостно-приподнятое, что прибавляло им сил в трудном пути.

Возвращаться на базу пришлось пешком, из-за того что все самолеты Чукотской авиагруппы Главсевморпути были переключены на розыск пропавшего без вести самолета Леваневского, совершавшего беспосадочный перелет в Америку. Улетели на поиски и крылатые помощники геологов Катюхов и Каминский.

И только через двенадцать дней тяжелейшего пути отряд Миляева благополучно прибыл на свою главную базу. Почти одновременно с ними возвратились в бухту Оловянную и все другие участники экспедиции Ю. А. Одинца — всего пятнадцать человек.

Но отдыхать после изнурительного перехода никому не пришлось — со дня на день ожидали прибытие корабля, и все сразу же включились в общий аврал по подготовке к встрече гостей и к возвращению на Большую землю.

Не успели геологи все упаковать, привести в порядок грузы, как пришел в бухту корабль, на котором прибыла новая смена личного состава Второй Чукотской экспедиции.

Но вернее было бы сказать, не смена, а более мощная геологоразведочная экспедиция, оснащенная всем необходимым для продолжения работ. Прибывшие геологи привезли с собой технику: компрессор, буровой станок, трактор, вездеходы, аэросани, а также горючее, взрывчатку и все остальное, что необходимо для организации и проведения стационарных разведочных работ на Иультине. Значит депеша, отправленная Одинцом и Миляевым еще летом, была своевременно доставлена в Москву, и руководство Главсевморпути успело укомплектовать новую экспедицию всем необходимым.

Аврал по выгрузке доставленных в бухту Оловянную грузов сильно затянулся: никаких причалов к берегу тогда не существовало, разгрузочных механизмов тоже не было. Разгружали все на рейде в баржи и кунгасы, а потом уже с них на берег. Особенно трудно было разгружать тяжелую технику, которой на этот раз доставили много.

Видеть собственными глазами, как открытое тобою месторождение сразу же начинают готовить к освоению — это ли не вознаграждение за труд, за все тяжкие испытания, что пришлось преодолеть.

Участвуя в разгрузке корабля, Миляев видел, что разведчики хорошо подготовились к развертыванию работ на Иультине и понимал, что на этот раз долго отдыхать ему на материке не придется. Надо будет спешить снова сюда, чтобы самому принять участие в разведке своего детища.

Но вот в бухте Оловянной закончился погрузо-разгрузочный аврал, и, приняв на борт отъезжающих, корабль 14 октября 1937 года взял курс на Владивосток.

Теперь название бухты Оловянной уже никто не воспринимал иронически — в трюмах корабля лежали ящики с первыми образцами оловянно-вольфрамовой руды Иультинского месторождения. Однако вскоре случилось так, что название бухты Оловянной совсем забылось даже геологами. Экспедиции больше здесь никогда не выгружались. Базу ликвидировали, строения разобрали и вывезли. На опус-

тевшем берегу бухты остались только груды мусора да одиноко торчащая труба полуразобранной русской печки.

Больше десяти лет к Иультину пытались подойти с другой стороны полуострова — с севера, от косы Двух Пилотов. И только после окончания Великой Отечественной войны морскими воротами Иультина снова стал залив Креста. Но морской порт был сооружен не в бухте Оловянной, а в соседней с запада бухте Эгвекинот, более удобной для захода судов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

Путь от залива Креста до Владивостока на этот раз Миляеву и его друзьям не показался таким долгим и утомительным, как в 1936 году, когда они плыли навстречу неизвестности. Теперь настроение у возвращающихся в Москву геологов было приподнятое, особенно у Миляева. Всю дорогу он чувствовал себя именинником. Но Владимир Николаевич прекрасно понимал, что все сделанное — это только начало, только первый шаг на пути к решению важной народнохозяйственной проблемы. Скоро, очень скоро страна начнет получать от Иультина столь необходимые ей металлы. И надо спешить в Москву, чтобы доложить о результатах работ руководству Главсевморпути, лично И. Д. Папанину, информировать о богатствах недр Чукотки правительственные инстанции, занимающиеся проблемами минеральных ресурсов страны.

Но случилось так, что первым, кто выслушал обстоятельный доклад об открытии Иультина и о богатствах недр Чукотки, был начальник Дальстроя Эдуард Петрович Берзин. И вот при каких обстоятельствах.

В первых числах ноября 1937 года корабль с участниками Второй Чукотской экспедиции Главсевморпути прибыл во Владивосток. Дальше предстояло добираться до Москвы поездом. Еще на вокзале во время посадки в поезд Миляев

обратил внимание на большую группу военных, полностью занявших один из соседних вагонов. Среди них выделялся высокий, статный, но уже начавший полнеть мужчина с не большой аккуратно подстриженной седеющей бородкой. По манере держаться и по подчеркнуто почтительному отношению к нему других нетрудно было догадаться, что в соседнем вагоне будет следовать какой-то очень крупный руководитель.

Остановок в пути было много, и пассажиры использовали время на стоянках, чтобы поразмяться и подышать свежим воздухом. Часто выходили на перрон и попутчики из соседнего вагона. Постепенно пассажиры знакомились друг с другом, обменивались новостями. И, еще не доезжая до Уссурийска, Ю. А. Одинец сообщил, что этим же поездом следует в Москву начальник Дальстроя Э. П. Берзин. Это и был тот военный с бородкой, на которого обратил внимание Миляев.

И сопровождающие Берзина люди узнали, что рядом с ними в поезде едут возвращающиеся в Москву с Чукотки сотрудники геологической экспедиции Главсевморпути, и как будто бы возвращаются не с пустыми руками. О геологах сказали Берзину, которого эта новость очень заинтересовала, и он, встретив Одинца на перроне, пригласил его на беседу в свое купе. Оказалось, что Одинец уже был знаком с Берзиным раньше. Они встречались в 1933 году, когда Одинец работал в бассейне реки Неры.

Рассказ Одинца* заинтересовал Берзина, и он попросил доложить ему о результатах проведенных на Чукотке исследований более подробно, показать образцы найденной руды, геологические карты, планы района и Иультина, а также другие полевые материалы.

В следующий раз заглянули в купе к Берзину втроем: Одинец, Миляев и Ганешин. Это было первое знакомство

* Об этой встрече с Э. П. Берзиным Ю. А. Одинец опубликовал небольшую статью (см. сб.: «Время. События. Люди». Магадан, 1968, с. 112—119).

Миляева с Берзиным, нечто вроде визита вежливости, поэтому никаких материалов с собой они не приносили. Но Миляев все же успел и во время этой короткой встречи с начальником Дальстроя кое-что рассказать ему об Иультине. А рассказывать он умел — это все знали. И на этот раз его не смутило, что слушателем был сам начальник Дальстроя.

Яркий и восторженный рассказ Миляева об Иультине вызвал нескрываемый интерес у Берзина и его спутников, которые присутствовали во время этой беседы.

— Все, что вы рассказали, очень интересно, — сказал Эдуард Петрович в конце беседы, — но нельзя ли посмотреть «товар лицом»? Далеко ли упрятаны ваши картографические материалы и коллекции?

— Нет, не очень, — ответил Миляев. — Несколько образцов иультинской руды есть у меня в рюкзаке. Один ящик с образцами тоже едет с нами. Рудные пробы и все коллекции отправлены багажом.

— Ну вот и отлично! Минуем Хабаровск, тогда и заходите с вашим рюкзаком — посмотрим, что в нем есть. И не позабудьте прихватить с собой карту Чукотского полуострова, чтобы было по чему ориентироваться. Жду вас после Хабаровска!

Геологи поняли, что их сообщение вызвало большой интерес. Поэтому, возвратившись в свой вагон, Миляев решил хорошо подготовиться к новой встрече. Он отобрал из общей массы оказавшихся под рукой образцов самые лучшие, достал из выючного ящика, заменявшего ему сейф, черновые наброски плана рудных жил Иультинского месторождения, прикинул на листочке бумаги возможные запасы руды, олова и вольфрама. Цифры получились весьма внушительные! Подготовились к новой встрече с Берзиным и его товарищи — Одинец и Ганешин.

Вот и Хабаровск. За несколько минут до отправления поезда снова втроем, Одинец, Миляев и Ганешин, прихватив приготовленные материалы, отправились в соседний ва-

гон. Их прихода ждали, так как в одном из купе было убрано все лишнее — освобождено место для гостей и их материалов.

Кроме Берзина, в купе находились еще люди — штатские и военные. У военных — высокие знаки отличия в петлицах, а у штатских — ордена на груди. По всему видно, что на беседу с геологами приглашены крупные руководители и специалисты Дальстроя.

— Ну, «чукчи», показывайте, чем богаты! — дружелюбно приветствуя пришедших, сказал Берзин.

Одинец представил собравшимся Миляева и Ганешина и попросил разрешения начать с показа рудных образцов.

— Владимир Николаевич! Начинайте вы, ведь Иультин ваше детище, а мы с Ганешиным дополним ваш рассказ, если понадобится, — напутствовал он Миляева.

Миляев был готов к этому. Он заранее продумал, как лучше преподнести «товар лицом». Ведь все они прекрасно понимали, что Берзин принимает их не из простого любопытства. Руководитель мощнейшей горнопромышленной организации, созданной на Северо-Востоке страны, интересовался Иультином и Чукоткой лишь потому, что проявлял государственную заинтересованность в расширении объемов производства ценных, остро необходимых стране металлов, в скорейшем расцвете экономики районов Крайнего Севера. В этом смысле Берзин действительно смотрел на новые месторождения глазами потребителя, как некогда предприниматели смотрели на товар.

Миляев начал с того, что нарочито медленно стал извлекать из своего рюкзака самые маленькие и невзрачные на вид образцы, а потом вывалил на стол «изюминку» — почти пудовую глыбу чистейшего вольфрамита. Крупные лучистые агрегаты пластинчатых кристаллов минерала отливали ярким металлическим синевато-черным цветом. Весь образец выглядел очень эффектно. В купе раздался возглас удивления.

С большим трудом приподняв тяжелую глыбу прекрас-

ной вольфрамовой руды, Эдуард Петрович, явно сдерживая эмоции, нарочито спокойным голосом произнес:

— Глядите-ка, впечатляет! Не правда ли, хороша руда! — И, обращаясь к Миляеву, продолжал:

— Но, ведь это, несомненно, самый лучший образец? Знаем мы вас, геологов! Умеете преподносить сюрпризы! Часто бывает, что привезете хорошие образцы, а вместе с ними и все месторождение. Ну и потом — это не совсем то, что нам надо. А где же ваше хваленое олово?

Миляев снова нагнулся над своим рюкзаком и извлек из него нечто похожее на арбуз, упакованный в оберточную бумагу. Осторожно развернув, он выложил на стол прекрасную друзу крупных смоляно-черных кристаллов оловянного камня, какими Иультин славится до сих пор. Таких крупных, чистых и совершенных кристаллов касситерита никто из присутствующих никогда не видал.

— Вот это да! Что скажете?! — Не удержался от восклицания Берзин.

Друза пошла по рукам, и каждый не скрывал своего восхищения.

— И много ли такого на вашем Иультине?

— Такого, пожалуй, не очень много, а вот обычной, но богатой оловянной руды порядочно, наверняка больше, чем во всех месторождениях Колымы вместе взятых. Таких месторождений, как Иультин, у нас в стране пока еще нет. Оно единственное, уникальное!

Сказав это, Миляев развернул перед всеми свою полевою геологическую карту, из которой даже не геолог мог понять, что Иультин — это не минералогическая случайность, а очень крупное месторождение — целая оловянно-вольфрамовая гора.

— Вот теперь все ясно, — сказал Берзин. — Вам действительно повезло. Поздравляю! Но открыть месторождение, даже такое крупное и богатое, это еще только полдела. Надо, чтобы эта руда как можно скорее пошла в плавку. Стране очень нужен металл, олово и вольфрам тоже. Есть

ли у вас соображения, как осваивать Иультин? Ведь это не Крым и даже не Колыма, а Арктика — Чукотка!

Отвечал Одинец, как старший по должности среди присутствующих геологов:

— Конечно! Мы долго думали и часто обсуждали пути и методы освоения Иультина. Считаем, что разведку нужно вести форсированными темпами. Главное, надо избежать инерции и раскачки. Нельзя терять время. Желательно, чтобы за это дело взялся Дальстрой. Ведь у Главсевморпути совсем другие задачи, да и сил маловато. Дальстрой же специализированная горнопромышленная организация, мощная и с большим опытом работы на Севере. Ей будет по плечу и Арктика. К тому же и территориально это к Дальстрою ближе, чем к кому-либо.

— А ведь это мысль! — сказал Берзин и пояснил: — Я как раз готовлю доклад правительству и проект освоения природных богатств Северо-Востока. Ваши предложения об освоении Иультина и Чукотки могут пригодиться. У нас еще много времени в пути, и я прошу вас употребить это время на пользу дела. Подготовьте ваши предложения в письменном виде. Даю вам на это пять дней! Все дальнейшее беру на себя. Действуйте и заходите, если что будет не ясно, обсудим снова.

Обрадованные поддержкой самого Берзина, Одинец и Миляев взялись за дело «засучив рукава» и перед самой Москвой вручили начальнику Дальстроя обстоятельную докладную записку по вопросу рациональных путей быстрого освоения Иультина и вообще минеральных богатств Чукотки.

Кто знает, может быть, именно эта докладная позволила положительно решить в Москве вопрос о включении всей территории Чукотского округа в сферу хозяйственной деятельности Дальстроя МВД СССР, чем и было положено начало быстрому развитию оловодобывающей промышленности на Чукотке, которая уже в годы войны стала давать львиную долю всего добываемого в стране олова.

К сожалению, сам Э. П. Берзин из Москвы уже не вернулся. Его жизнь вскоре трагически оборвалась.

СНОВА НА ИУЛЬТИН

Возвратившимся в Москву сотрудникам Второй Чукотской экспедиции пришлось работать, не считаясь со временем, так как доставленные ими материалы вызвали огромный интерес в правительственных учреждениях и промышленных организациях. Потребовалась масса справок, объяснительных записок и всевозможных докладных. Одинец и Миляев трудились в поте лица, успевая обрабатывать полевые материалы, писать отчет о результатах работ, участвовать в многочисленных совещаниях, отвечать на запросы и так далее.

Больше всех оказался загруженным Миляев, который одновременно готовился и к возвращению на Иультин теперь уже в качестве геолога Амгуэмской (Чукотской) экспедиции Главсевморпути. Она должна была сменить разведчиков Иультина и продолжить поиски новых месторождений в ближайших от него окрестностях.

Здесь необходимо дать некоторые пояснения. Дело в том, что согласно заведенным в Главсевморпути порядкам, геологические экспедиции направлялись в Арктику только на один полевой сезон. Считалось, что работать два полевых сезона подряд человек в экстремальных условиях Арктики не может. Однако фактически из-за долгих сборов и длинного пути из Москвы и обратно экспедиции создавались сроком на два года, из которых первый год уходил на сборы и на дорогу туда, а второй — на полевые исследования и возвращение в Москву. Поэтому организационный период каждой экспедиции продолжался с апреля — мая до августа — сентября; зимовка — с сентября до апреля следующего года; выезд в поле и полевые работы — с апреля до сентября; возвращение в Москву — с сентября по декабрь; затем начинался камеральный период работы

в столице и трудовой отпуск. Экспедиционный цикл заканчивался в апреле следующего года. Однако названия экспедиций не менялись. Вот почему Вторая Чукотская экспедиция непрерывно работала с 1935 по 1938 год, хотя состав ее трижды менялся за это время. В составе экспедиции по годам работали геологи: в 1935—1936 годах — Зяблов, Кремчуков, Культисов, Бритаев; в 1936—1937 — Одинец, Миляев, Шпилько; в 1937—1938 — Чаплыгин, Шашко, Никольский, Володенков.

В 1938 году на смену Второй Чукотской экспедиции была послана Амгуэмская (Чукотская) экспедиция, в которую вошли геологи Девяткин, Миляев, Кремчуков, Пятнов, Григорьев и другие.

Начиная с 1939 года, когда все геологические экспедиции Главсевморпути, работавшие на Чукотке, были переданы Дальстрою, порядок изменился. Вместо сезонных экспедиций было принято организовывать стационарные районные геологоразведочные управления (райГРУ), внутри их — стационарные разведрайоны и сезонные полевые партии. Состав работающих в райГРУ был постоянным. Сотрудники Дальстроя могли выезжать в отпуск только по прошествии обусловленного договором трех лет работы на Севере, но если обстоятельства вынуждали, то можно было работать безвыездно и дольше. Пишущий эти строки, например, в силу сложившихся обстоятельств работал на Чукотке в тридцатых — сороковых годах без выезда в отпуск более восьми лет.

В начале 1938 года Миляеву, который еще не успел считаться за работу предыдущей экспедиции, предложили снова поехать на Иультин в качестве геолога вновь организованной экспедиции. Но теперь экспедицию должен был возглавить А. А. Девяткин, и она называлась уже Амгуэмской (Чукотской) и направлялась на Иультин не через залив Креста, как все предыдущие, а через косу Двух Пилютов. Думали, что добраться до Иультина с севера будет легче: в этом случае расстояние сокращалось почти втрое,

и на пути не было ни горных перевалов, ни больших рек. Впоследствии оказалось, что такое решение было ошибочным, так как разгрузка морских судов там могла производиться только далеко на рейде, а северные ветры нагоняли ледяные поля и не давали производить погрузо-разгрузочные работы. Не рискуя оказаться в ледовом плену, капитаны судов снимались с якоря, и из года в год корабли уходили во Владивосток неразгруженными.

Здесь я должен сделать небольшое отступление, чтобы рассказать о нашей встрече с Миляевым, которая произошла в Алма-Ате весной 1938 года.

Сотрудники экспедиций Главсевморпути использовали свой трудовой отпуск обычно весной, перед выездом в новые экспедиции. Так поступил и Миляев. Весной 1938 года он оформил отпуск и приехал в Алма-Ату, чтобы навестить перед отъездом на Чукотку свою маму, сестер и братьев, помочь им по хозяйству.

Вот тогда мы и встретились снова. Разговорились. Володя рассказал, что работает в Главсевморпути, после отпуска снова возвращается на Чукотку. Это меня очень заинтересовало, так как я давно мечтал поехать в Арктику. Работал я в то время в проектно-отделе Управления Турксиба в должности инженера-изыскателя. Работа была для меня неинтересной, и я собирался оставить «теплое местечко» в столице Казахстана, чтобы поехать на Север.

Мы встретились недалеко от моего дома, и я уговорил Миляева зайти ко мне «на минутку», чтобы расспросить его о Чукотке. Он был в хорошем настроении, с увлечением рассказывал о своей работе и о приключениях, которые случались с ним на Чукотке, об открытом им Иультинском месторождении и о многом другом. При нем был объемистый портфель, с которым Миляев, оказывается, ходил к своим друзьям-одноклассникам, работавшим в тресте Казцветметразведка. И вот, рассказывая, он извлекал из своего портфеля и показывал мне прекрасные образцы иультинских руд и минералов. И хотя это были небольшие кусочки касси-

терита, вольфрамита и других ценных минералов из его личной коллекции, но они служили хорошим дополнением к рассказу. Во время нашей беседы Миляев часто брал в руки карандаш и рисовал на листике бумаги схему своих маршрутов по Чукотке, изображал схематически геологическое строение Иультинского месторождения.

Миляев был вообще прекрасным рассказчиком, а тут, как говорят, находился «в ударе», под свежими впечатлениями сделанных им на Чукотке замечательных открытий. Не скрою, слушая Владимира Николаевича, я по хорошему завидовал его большой удаче. Прощаясь, я попросил у него адрес Главсевморпути, так как теперь твердо решил поехать в Арктику, и в этом окончательном решении, считаю, немалая заслуга В. Н. Миляева.

Закончив на сей раз свой отпуск досрочно, Миляев в мае 1938 года возвратился в Москву, чтобы продолжить подготовку к экспедиции и к выезду на Иультин.

О том, как комплектовалась Амгуэмская (Чукотская) экспедиция, как геологи добивались до места, об их работе в 1939 году вспоминает участник этой экспедиции геолог Николай Филиппович Григорьев.

«1938 год, май месяц. Москва, ул. Разина 9, Главсевморпуть, Горно-геологическое управление. Здесь в должности геолога отдела минеральных ресурсов я тогда работал. Заканчивалась камеральная обработка материалов Индигирской экспедиции ГУСМП. Мой руководитель главный геолог этой экспедиции Василий Афанасьевич Федорцев, с которым я провел две трудных затяжных экспедиции — Тасхяхтасскую и Индигирскую и с которым мы планировали в 1938 году поехать в следующую северную экспедицию, вдруг получил приглашение быть научным руководителем крупных геологических работ в Средней Азии. Он меня тоже звал с собой. Но... северный микроб уже прочно в меня внедрился... И тут произошла встреча с «чукчами» — сотрудниками Второй Чукотской экспедиции Главсевморпути Юрием Кремчуковым и Владимиром Миляевым.

Из рассказов своих товарищей я уже знал, что Миляеву посчастливилось в прошлом году открыть самое крупное в то время Иультинское оловянно-вольфрамовое месторождение, расположенное к югу от мыса Шмидта. В это время стал известен отзыв о моем отчете по Тасхаяхтасской экспедиции академика С. С. Смирнова, и руководство ГГУ предложило мне принять участие в работах Амгуэмской (Чукотской) экспедиции в должности геолога полевой партии. И я согласился. И вот вместе с Миляевым и другими сотрудниками экспедиции, включившись в подготовку к выезду на Чукотку, мы целыми днями сидели на складах Арктикснаба, подбирая необходимые материалы и снаряжение. Помню, получили тогда новую морскую форму полярников ГУСМП — кители, шинели, фуражки с морским «крабом». Форма казалась нам необыкновенно красивой. Особенно хорошо сидела она на ладной плотной фигуре Владимира Миляева. Но он почему-то стеснялся носить эту форму.

Наконец, сборы закончены, и за день до отъезда из Москвы нас всех пригласил для напутствия начальник Главсевморпути, один из героев покорения Северного полюса Иван Дмитриевич Папанин. Из его напутственной речи запомнились слова:

— Ребята! Не подкачайте, ведь у вас такая замечательная работа впереди, и надо, чтобы вы с честью справились с ней. Вам предстоит открыть новые кладовые нужных стране металлов!

Что касается снаряжения, то оно действительно было прекрасным. Мы получили новые тракторы, сборные щитовые домики, и даже палатки были точно такими, как у летчиков, высаживавших отважную четверку папанинцев на Северный полюс, и многое другое, чего не было в прежних северных экспедициях.

И вот Ярославский вокзал столицы, поезд Москва — Владивосток, и путешествие почти через всю страну до берегов Тихого океана. Из Владивостока к косе Двух Пило-

тов, которая находится на берегу Чукотского моря, нас должен был доставить специально выделенный корабль «Анадырь». Путь был долгим, утомительным. И мы просили Владимира Миляева еще и еще раз рассказать нам о Чукотке. Но, помнится, он больше отмалчивался, и только во время морского перехода разговорился.

Миляев был старше и солиднее нас, но все же он не чувствовался нашей компании во время походов в ресторан «Челюскин» или когда мы решили купить в складчину бочку пива и вместе с экспедиционными грузами доставить на Чукотку. Огромную многоведерную бочку мы действительно купили прямо на пивзаводе и погрузили на корабль, но не довели. В дороге она «высохла». Но то, что она плывет на корабле, знала вся береговая Чукотка, и за нашим продвижением радисты полярных станций следили особенно внимательно. Помню, Миляев вместе со всеми очень возмущался, что нашлись любители пива, которые втихаря и «высушили» эту емкость.

Когда прибыли к косе Двух Пилов, то всему составу экспедиции пришлось изрядно поавралить на выгрузке.

Но вот выгрузка закончена. Начальник экспедиции А. А. Девяткин, главный геолог Ю. Кремчуков с большой группой рабочих направились санно-тракторным поездом на Иультин, до которого было 70 километров. Миляев тоже отправился с ними. Но до этого он уговорил начальство отправить меня с полдороги в первый маршрут — в горы по левобережью Амгуэмы, что к северо-востоку от Иультина. Туда еще предыдущая экспедиция забросила две продовольственные базы, а точнее — бочки из-под горючего, в которые был уложен запас продуктов на 10—15 дней.

И вот вдвоем с рабочим я отправился в этот маршрут. Но был уже сентябрь и поработать на геологической съемке удалось всего около двух недель — началась зима, запуржило. Больше недели мело не переставая, и наши бочки с продуктами замело, так что мы не смогли их найти, когда пурга на время затихла.

На базе в Иультине о нас забеспокоились, и больше всех, говорили, волновался Миляев, который сам в 1936 году недалеко от этих мест попал в подобную ситуацию. Он первым забил тревогу и добился, чтобы на наши розыски был направлен самолет с мыса Шмидта.

Однако мы сами по снегу пешком выбрались на тракторную дорогу и встретили санно-тракторный поезд, шедший с Иультина. И тут над нами появился самолет. Трактористы нам сказали, что уже неделю с Иультина бомбили телеграммами авиагруппу о посылке самолета на наши розыски. Самолет кружил над нами до тех пор, пока я крупными буквами не написал на снегу «Все в порядке», и он улетел на косу Двух Пилотов.

После возвращения на Иультин мы включились в строительные работы: расчищали от камней строительные площадки, ставили домики сборные, переносили и укладывали грузы.

Наступила полярная ночь. Пурга свирепствовала почти не переставая. Завоз продуктов и топлива с базы на косе Двух Пилотов почти прекратился. А тут произошла трагедия — замерзли наши товарищи механик Николай Шарапов и повар Сережа Занорников. В пути их застала пурга, и они решили пойти к домику у речки Неленки. Но немного не дошли. В поисках их участвовал и Владимир Миляев — он хорошо ходил на лыжах, был вынослив. Похоронили Шарапова и Занорникова на берегу речки Иультинки. После этого ЧП в Москве была создана комиссия по расследованию обстоятельств гибели наших товарищей. С Ванкарема вышли упряжки собак с теплой одеждой и продуктами, а позже прилетели большие самолеты, что летали на полюс, и с них сбрасывали для нас над Иультином одежду, продукты и топливо.

Разведочные работы по проходке штольни были в то время приостановлены, и люди долгими вечерами собирались в тесные кружочки, чтобы согреться, и слушали рассказы бывалых геологов. Запомнился мне и один из расска-

зов Миляева о случае из предыдущей Чукотской экспедиции.

После окончания полевых работ, рассказывал Миляев, взрывник Петр Довгаль и его напарник возвращались на базу в бухту Оловянную. Шли по берегу реки, снега еще не было. Впереди шел Довгаль, смотрел себе под ноги, о чем-то задумавшись. И вдруг из кустарника поднимается огромный бурый медведь, встает на задние лапы и идет на Довгалья... Началось единоборство человека с медведем. Довгаль раньше был борцом и вообще слыл сильным и смелым человеком. Он старался отвести лапы медведя от своего лица, надеясь, что напарник, у которого было ружье, сейчас его выручит. Но тот испугался и убежал. Во время борьбы медведь зацепил лапой нос Довгалья, разорвал хрящ, и кровь стала заливать ему лицо. Тут Довгаль пришел в такую ярость, что схватил валун и сам пошел на медведя. Медведь испугался и бросился наутек.

Каюсь, я тогда подумал, что Миляев рассказал нам обычную охотничью байку. Наверное, и другие не очень поверили в правдоподобность этого случая. Но в 1946 году, когда мне довелось быть на Нарвике, я узнал, что тот самый Довгаль работает начальником угольной шахты вблизи залива Илья. Нос ему хирурги сделали новый, но во время морозов Довгалью приходится его закрывать специальным меховым «наносником».

Вот даже таким необычным путем я еще раз удостоверился в исключительной правдивости Миляева и в малозначущих фактах. Он был очень требователен к самому себе, и это было для него обычной нормой поведения.

Впоследствии мы с Миляевым встречались только эпизодически: он был занят на рудной разведке, а я почти все время летом находился в маршрутах на геологической съемке, а зимой на косе Двух Пилотов, где был старшим по зимовке. Там велась промывка поисковых проб и обработка различных полевых материалов.

Помню, Миляев дал мне добрый совет: перед выходом

в новые маршруты совершать осмотр местности с самолета. Этот совет мне очень пригодился при планировании поисковых маршрутов.

Последняя встреча с Миляевым у меня состоялась в начале сентября 1939 года на палубе теплохода «Анадырь». Летом того года Амгуэмская (Чукотская) экспедиция была передана из системы ГУСМП в Дальстрой, и состав экспедиции, сформированный в Москве, должен был отплыть на теплоходе «Анадырь» во Владивосток. Я же со своим довольно крупным поисково-съемочным отрядом в то лето двигался по реке Чаантальевергин, в верховьях которой находились «точки Серпухова». До этих точек мы не добрались, но когда возвратились из маршрута, то, по совету главного геолога Дальстроя Кечека, я решил не уезжать вместе со всем московским составом экспедиции, а продолжить работы до конца полевого сезона. Закончив работу, мы вышли к поселку Ванкарем, чтобы отправиться в Певек, где предстояло обработать полевые материалы и написать отчет.

Когда пришли в Ванкарем, то на рейде уже стоял теплоход «Анадырь», на котором находился весь московский состав экспедиции. Теплоход должен был снова зайти на косу Двух Пилотов, чтобы забрать еще нескольких пассажиров. Нам было по пути, и мы отправились туда на этом теплоходе. Среди пассажиров я снова встретил Миляева. Он уезжал на материк. Миляев был в ослепительно белой рубашке, чисто выбрит. У меня же был вид бродяги. На косе Двух Пилотов мой отряд высадили на берег, а корабль, приняв на борт новых пассажиров, ушел во Владивосток.

Больше Миляева я никогда уже не встречал».

Обстоятельства сложились так, что Амгуэмская экспедиция нормально работать не могла и в основном из-за нехватки транспортных средств. Имевшиеся в распоряжении геологов два трактора ЧТЗ не справлялись с объемом грузоперевозок с косы Двух Пилотов на Иультин. И хотя расстояние было небольшое, всего какие-то десятки километ-

ров, но в зимний период, когда свирепствовали ураганные ветры и снежные вьюги, транспортная связь с Иультином прерывалась. Разведчики Иультина жили впроголодь, горючее для компрессора и электростанции доставлялось с большими перебоями, твердое топливо — тоже. Люди вынуждены были прекратить горные работы и думать лишь о том, как выжить, дотянуть до весны, пережить страшную зиму.

Особенно тяжело приходилось тем, кто работал на горе Иультин. На поверхности горы зимой ни о каких горных работах не могло быть и речи — мешали частые пурги, большие снежные заносы. А вот под землей, в штольнях, штреках и квершлагах, работать можно было при любой непогоде, но непреодолимым препятствием стал подъем людей в гору. На смену поднимались по два-три часа и приходили к месту работы вконец измученными. Горнорабочие вынуждены были переселиться к самому устью штольни, где соорудили несколько жилых палаток. С осени так работать еще можно было, но наступила зима, начались перебои с доставкой горючего, компрессоры встали и пришлось снова рабочим спуститься вниз.

А внизу два щитовых фанерных домика, в которых жили все иультинцы, были занесены снегом так, что из сугробов торчали только концы железных труб от еле-еле теплившихся печурок. Неделями люди не выходили из этих берлог, сберегая тепло и жизненные силы. Большая часть сотрудников экспедиции вообще отказалась перебраться на Иультин, и они перезимовали на косе Двух Пилотов. Там камеральничали геологи-поисковики, обрабатывали доставленные с Иультина пробы. Там было топливо и продовольствие, которых так не хватало на Иультине.

Иультинцы, доведенные до отчаяния трудностями своего существования, вынуждены были просить о помощи. Самолеты, прилетавшие по их вызову с мыса Шмидта, сбрасывали над Иультином мешки с углем, ящики с продовольствием, тюки с теплой одеждой.

Так с самых первых дней освоения месторождения началась иультинская эпопея, продолжавшаяся почти на протяжении десяти последующих лет, пока не был построен морской порт в Эгвекиноте и автомобильная дорога из порта на Иультин.

Вынужденные жить в чрезвычайно стесненных условиях, испытывая голод и холод, преодолевая житейские невзгоды, люди всегда готовы были прийти на помощь друг другу. Настоящая крепкая дружба была нормой поведения для полярников. В Заполярье тогда работали в основном одни только мужчины. Но в конце тридцатых годов Арктика стала принимать и женщин. Вот и в Амгуэмской (Чукотской) экспедиции тоже появились женщины — это техники-лаборантки.

Миляев, которому давно пора было иметь свою семью — ведь ему исполнилось уже тридцать два года, — еще в Москве познакомился, а потом в пути на Иультин крепко подружился с молоденькой техником-лаборанткой москвичкой Валентиной Гусевой. Трудная зимовка на Иультине еще больше сблизилась этих людей, и постепенно дружба переросла в настоящую любовь. Случилось так, что Миляев нашел на Чукотке не только свой Иультин, но и личное счастье. Осенью 1939 года они возвращались в Москву уже вдвоем — с родившимся Валериком, который стал первым уроженцем Иультина.

В минувшем летнем сезоне 1939 года Миляев был занят на разведке месторождения и с каждой новой горной выработкой все больше убеждался — интуиция геолога его не обманула. Он видел, что Иультинское месторождение действительно крупное по запасам руды и богатое по содержанию в руде металлов. Он работал увлеченно, не считаясь со временем, не обращая внимания на непогоду и другие неурядицы северного быта. Ему очень хотелось, чтобы как можно быстрее оценили окончательно месторождение и передали его горнякам для освоения. Думами своими он часто делился с женой. Валентина Васильевна вспо-

минала в беседе со мной, как Владимир Николаевич мечтал, что в скором будущем на Иультине будет построен большой горно-обогатительный комбинат, вырастет хороший рудничный поселок и что вся жизнь здесь неузнаваемо изменится. Ему хотелось увидеть все это своими глазами.

Но рискованно было оставаться на зимовку в Иультине с новорожденным. И они осенью 1939 года снова возвращаются в Москву. К несчастью, ребенок прожил недолго.

Трудно было сразу после тяжелой утраты возвращаться на Иультин. И Миляев откладывает оформление на работу в систему Дальстроя до осени следующего года, а пока устраивается на работу в Москве в трест «Золоторазведка» Наркомцветмета. Летом 1940 года он выезжает на полевые работы на Дальний Восток в Донскую золотопоисковую экспедицию, которая проводила поиски золота в бассейне реки Селемджи.

Возвратившись осенью 1940 года с полевых работ, Миляев приступил к камеральной обработке собранных летом материалов и к написанию отчета о результатах проведенных исследований, во время которых в бассейне реки Селемджи были открыты новые россыпные месторождения золота. Отчет был написан к весне 1941 года. Приближался срок отъезда на Чукотку, возвращения на Иультин. Но в феврале 1941 года родилась дочь Валерия, и это спутало все планы. Миляев решил задержаться с возвращением на Иультин еще на год и снова поехал на полевые работы в экспедицию, но на этот раз поближе к дому — в Казахстан. Там и настигла его весть о нападении на нашу страну фашистской Германии.

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ МИЛЯЕВА

После завершения полевых работ экспедицию уже не возвратили в Москву, а направили на камеральные работы в Семипалатинск. Но Миляеву удалось все же съездить за

эвакуированной из Москвы семьей. Вот что написала мне об этом Валентина Васильевна:

«Володя был очень хорошим, беспредельно добрым человеком. В 1941 году он из Семипалатинска поехал за нами к месту моей эвакуации. В дороге обворовали ехавшую с ним попутчицу, и он дал ей денег, чтобы она могла добраться до места.

И еще, пишет Валентина Васильевна, в поезде с нами ехала женщина с грудным ребенком, который заболел корью. Помню, все мамы и отцы, ехавшие с детьми, в испуге стали от нее сторониться. Один Володя помогал ей, снабжая необходимым и используя каждую остановку поезда, чтобы сварить кашу ее ребенку или попытаться устроить их в больницу. Как-то поезд шел без остановки долго, так он приспособился варить кашу в вагоне на елочных свечках.

Эту мать с больным ребенком ему очень долго не удалось поместить в стационар, и Володя, нагрузившись ее чемоданами, несколько раз возвращался обратно, и все же упорно продолжал добиваться, пока ему не удалось поместить ее в больницу».

Да, Миляев был добрым и отзывчивым человеком, хорошим товарищем, верным другом, так вспоминают знавшие его близко люди. Но они же говорят и о том, что он не был просто «добреньким», как называют беспринципных людей. Нет, в отношении к служебному долгу, к делу он был беспощадно требователен, и прежде всего к самому себе.

Из Семипалатинска в ноябре 1941 года В. Н. Миляев был мобилизован в армию, затем его направили на курсы лейтенантов.

Валентина Васильевна с дочкой осталась в Семипалатинске, всю войну работала на приисках и рудниках Восточного Казахстана.

Миляеву довелось учиться на курсах лейтенантов в родном ему городе Алма-Ате, где до войны жили его мать,

братья и сестры. Но с первых же дней войны они вынуждены были покинуть этот город. Братья тоже были призваны в армию, и у каждого из них была своя военная дорога.

Строгий режим военного училища не позволял отлучаться из гарнизона. Мучительно привыкал Миляев, сугубо штатский человек, к суровым воинским порядкам. Об этом свидетельствуют его письма к родным и близким.

Письмо первое:

«Здравствуйте, дорогие мама, Лева, Ната, Нина, Надя и племянницы! Племяннику привет особый! Долго от вас нет ответа на мое письмо, не знаю, чем и объяснить это... Вероятно, я пробуду в Алма-Ате до конца февраля, а может быть, и немножко больше. Учусь воевать, как все сейчас учатся.

От жинки получаю письма часто. Она поступила на работу и наняла няню. Лерка начинает ходить. На днях из Семипалатинска приехали сотрудники нашей экспедиции и привезли конверт с фотографиями, но я никак не могу получить его, а то мог бы с этим письмом послать вам фотографию своего потомства...

Время летит незаметно. Скоро еще один командир выйдет в свет. Мама может гордиться: у нее четыре сына командиры РККА. Когда я ехал в школу, то, размышляя о своей военизации, никак не мог допустить, чтобы из меня вышло что-либо полезное для армии, а сейчас, пожалуй, можно сказать и иное. Правда, я еще не отделался от гражданских привычек, но постепенно обтесываюсь...

Очень хотелось бы повидаться, но... из этого ничего не выйдет до конца войны.

Пишите подробно как живете... Пишите как можно скорее...

Прошло уже три месяца после мобилизации, три месяца учебы в школе лейтенантов, а по письму Миляева чувствуется, что он все еще «не отделался от гражданских привычек». Видимо, действительно ему было нелегко привыкать к военным порядкам, воинской дисциплине. Он сам замечает по этому поводу: «постепенно обтесываюсь».

А вот второе письмо:

«Алма-Ата, 5/III-42 г. Здравствуйте, дорогие мама, Лева, Ната, Нина и племянши!

...Не так давно я послал письмо вам, в нем фото Леруськи. Мать пишет, что она уже начала ходить и доставляет всем соседям и матери массу развлечений и т. п., когда важно шествует на своих двоих из одной комнаты в другую. Очень хочется взглянуть на нее, но это вряд ли осуществимо в ближайшее время, разве только проездом.

Миша закончил курсы и уже выехал в неизвестном направлении. Я только в конце марта, вероятно, куда-либо должен буду выехать.

В Алма-Ате было все время холодно, а теперь потеплело... Я сегодня в наряде и думаю, что письмо после завтрака можно будет удлинить за счет некоторых воспоминаний, которые меня одолевают в последнее время. Старею помаленьку. В строю мы часто проходим по улице, где расположен дом Бабакиных, и я вспомнил детские годы... В подробнейших воспоминаниях я дошел до нашего выезда из Алма-Аты на Талгарский винокуренный завод, и... мне представилась картина нашего переезда (самовар с витой колонкой мы кипятили где-то на полдороге). Так же, идя по улице, я увидел Мадзигана, это опять подвинуло мои воспоминания до Тургеня. А тургенскую жизнь я воспроизвел в памяти, встретив во дворе источника... Опять потекли воспоминания. Особенно яркие и красочные — это жизнь в горах. Охота на коз. Отчетливо, до мельчайших подробностей вспомнил Чилик. Мои походы на рыбалку и т. д. Если у меня будет время после окончания занятий, съезжу в Талгар на могилу отца.

Алма-Ата преобразается. Я не знаю, видели ли вы здание Алма-Атинского нового театра на Красноармейской улице. Очень красивое зрелище снизу вверх, когда здание проектируется на фоне гор. Жаль, что пришлось вам уехать отсюда. Но в то же время, думается, вряд ли вам здесь удалось устроиться более или менее сносно с жильем. Мне бы надо было после Арктики купить здесь или построить домик, но я обосновался в Москве и не представлял, что мне придется еще когда-нибудь думать о жилье в другом месте. Все это прошло. Сейчас мысль одна, что и у всех вас.

Валентина писала из Семипалатинска, что собирается в марте приехать сюда повидаться, но я не советовал ей оставлять Лерку на чужих руках, а везти ее сюда опасно. Разыскал квартиру Алеши Бортникова, но его еще не видел, жду конца занятий, тогда уж навещу.

Д. И. Яковлев был летом здесь, а сейчас куда-то уехал. Семья

его осталась в Ленинграде. Сын был в армии. Говорит, он страшно беспокоился, и я не сомневался, что он уехал туда. Такой уж мужик он напористый.

Ну пока, всего... Всех обнимаю, целую, всегда ваш Владимир.

Желание одно — увидеться перед фронтом».

В этом коротком письме Миляев весь как в зеркале. Он вспоминает детские годы: кочевья, охоту, рыбалки, своих друзей, родных и близких... На улице он видит друзей своего отца, и они напоминают ему о счастливых юношеских годах. Он хочет побывать на могиле отца. С любовью пишет о жене и дочке, которых мечтает повидать перед отправкой на фронт (но увидится им пришлось только в 1943 году). Словом, вспомнил в этом письме Миляев всю свою жизнь. Больше таких подробных писем от него не получали.

Эти два письма написаны им были, когда он еще обучался в школе лейтенантов. Писал он и позже, уже с фронта. Писал домой, братьям, жене, сестрам, маме и даже друзьям и бывшим сослуживцам, как, например, Д. И. Яковлеву, но, к сожалению, сохранилось еще только два солдатских треугольника, адресованные брату Льву Николаевичу, о которых речь пойдет ниже.

После окончания школы лейтенантов Миляев был направлен в запасной полк, потом снова на военные курсы в Ташкент, и только летом 1943 года лейтенант В. Н. Миляев был направлен на фронт. Его назначили заместителем командира батальона по строевой части в 767-й стрелковый полк 228-й стрелковой дивизии.

По материалам, хранящимся в Центральном музее Советской Армии и в Центральном архиве Министерства обороны СССР, удалось установить, что 767-й стрелковый Сегедский ордена Суворова третьей степени полк был сформирован в июне 1943 года на Брянском фронте в Савинском районе Харьковской области на базе понесшего большие потери в боях 1-го отдельного стрелкового батальона 106-й отдельной стрелковой дивизии и входил потом в состав

войск 6-й армии Юго-Западного фронта, а затем — 53-й армии 2-го Украинского фронта.

В конце июля 1943 года 767-й стрелковый полк, в котором служил лейтенант В. Н. Миляев, прибыл на фронт и занял оборону на восточном берегу Северного Донца. Здесь на протяжении долгих месяцев, вплоть до весны 1944 года, Миляев участвует в оборонительных боях, набирается опыта ведения войны, становится боевым командиром.

Вот что сказала мне в минуту откровения жена Миляева, когда я ее спросил о том, как воевал Владимир Николаевич:

— Письма приходили с фронта редко, так как все время шли бои. Это были обычные солдатские «треугольники». Они не сохранились, но хорошо помню, что про сражения он ничего не писал. Наверное, нельзя было. Писал, что жив и здоров. Настроение боевое. А больше спрашивал о нас с Лерой, о родных. Беспокоился, как мы живем вдали от родных и близких. Я ведь работала в войну на рудниках Южного Алтая. Хоть не писал о фронтовых делах, но чувствовалось, что очень устал, что трудно ему. Очень тяжелые были бои на их участке фронта. Из писем можно было понять приблизительно, где он, а по радио и сводкам Совинформбюро мы знали, что там происходит.

И еще, смутившись, поведала мне тогда Валентина Васильевна, что, провожая мужа на фронт, не удержалась, чисто по-женски сказала:

— Береги себя, Володя! Не лезь в самое пекло, если сможешь.

Сказала так и пожалела, что вырвалась из ее уст эта фраза, потому что Володя с раздражением ответил:

— Понимаешь ли ты, что говоришь?! Хочешь, чтобы я за спины других прятался? Плохо же ты меня знаешь! Воевать буду честно — так же, как жил. Кое-чему научили, и теперь я знаю свое дело не хуже других. Трусом не буду и краснеть за меня тебе после войны не придется!

Эти последние слова мужа Валентина Васильевна запомнила почти дословно, и сейчас еще она стыдилась за то, что попросила его «не лезть в самое пекло», потому что хорошо знала основное жизненное кредо Миляева: отдавать делу, которым занимаешься, всего себя.

Весной 1944 года на Юго-Западном фронте началось наступление наших войск. Полк, в котором воеет Миляев, ведет наступление под Харьковом в районе Чугуева, наступает на Днепродзержинск, успешно форсирует реку Буг и овладевает городом Вознесенском.

Сохранилось фронтовое письмо Миляева, относящееся к этому времени. И хотя на фронте, где он воевал, шли тяжелые бои, в которых он участвовал, Миляев, чтобы не тревожить родных, не писал об этом ни одного слова. Вот текст этого письма:

«Здравствуйте, дорогие мама, Ната и ребяты!»

Вчера получил ваше письмо, за которое большое спасибо. Немедленно пишу Леве и остальным и, может быть, спишусь с ними.

О себе могу сказать, что до сих пор изменений нет, я здоров и только очень скучаю по родным, а также не нравятся мне здешние места, у нас там все-таки лучше, и при первой возможности я, конечно, постараюсь возвратиться восвояси.

От Вальки ничего не получаю, да это и вполне понятно, так как сообщение с рудниками, где она работает, зимой только на лошадях, а это значит, что письма будут от нее и к ней идти не меньше месяца... Это где-то на Южном Алтае...

Привет Наде, если удастся ее разыскать. Обнимаю ребят, всем привет и наилучшие пожелания.

Владимир 5.3.44 г. П/П 83387 Д».

Письмо было отправлено пятого марта, а в апреле полк Миляева уже форсировал Днестр и участвует в боях за города Тирасполь и Бендеры.

К этому времени относятся два коротеньких фронтовых письма Миляева, которые он отправил брату Льву Николаевичу:

«Здравствуй, Лева!

Твое письмо очень удачно застало меня на старом месте (я имею в виду № почты), а теперь я уже переехал и письмо это пишу накануне выхода на передовую. Пока что я еще не знаю своего нового адреса, но это дело нескольких часов, и, по-видимому, сегодня я смогу тебе отправить письмо и сообщить адрес...

Ну насчет своего настроения писать не стоит — обычное для всех новичков, после когда-нибудь расскажу или напишу, если буду в состоянии.

Вот, пожалуй, и все, что я смогу тебе написать.

Желаю тебе всего наилучшего, жму руку.

Привет (подпись)

Р. С. От Мишки и Андрея ничего не получал, хотя и писал им.

8.5.44. — П/П 356558 — скоро изменится.

Задержка с отправкой письма дает возможность добавить, что я уже принял крещение, правда небольшое. Пока здоров. Жму руку (подпись) 30.5.44».

Содержание письма и две даты с разрывом в 25 дней ясно говорят, что писалось оно в жаркие дни сражений.

А вот и второе письмо с фронта:

«Здравствуй, Лева!

Послал тебе уже два письма и не получил ответа... По-видимому, письма мои идут или долго, или вообще потерялись. Хотелось бы узнать, как твои дела...

Я пока по-старому живу, но теперь, очевидно, скоро перемена.

О Мишке ничего не знаю, да вряд ли он уцелеет после таких боев, в каких ему пришлось участвовать.

Пиши мне по адресу: 83387 Д. Может быть, успеем обменяться парой писем до перемены моего адреса...»

На этом письмо кончается, но самые последние слова с подписью и датой не сохранились — они пришлось на сгиб и оторвались.

Трудно по двум фронтовым письмам делать какие-либо выводы или предположения. О фронтовых делах писать не разрешалось, а больше и писать было не о чем. Поэтому

братья Миляевы писали друг другу, чтобы только не растеряться и чтобы дать знать, что живы.

В августе 1944 года полк Миляева вступает на территорию Румынии, ведет бои за Яссы, Плоешти, освобождает от фашистов окраины Будапешта, затем с тяжелыми непрерывными боями продвигается по Румынии на запад, переваливает через Трансильванские Альпы и, штурмом овладев крупной узловой железнодорожной станцией Нэдлак, вступает на территорию Венгрии. Продолжая развивать наступление, полк продвигается по направлению к городу Мако. Преследуя отходящего противника, полк с ходу форсирует реку Тиссу и 11 октября 1944 года овладевает городом Сегед. За блестяще проведенную операцию полку присваивается почетное наименование «Сегедский», а всему личному составу объявляется благодарность Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина.

После взятия Сегеда 767-й Сегедский полк с тяжелыми боями продвигается по территории Венгрии на север, в сторону города Эгер. В ноябре 1944 года город Эгер был взят. Личный состав полка снова получил благодарность от И. В. Сталина. Полк продолжает сражаться за Будапешт.

И вот в Будапештской операции на рассвете 7 декабря 1944 года недалеко от города Эгер пал смертью храбрых лейтенант Миляев Владимир Николаевич. Он похоронен в братской могиле вместе с десятью другими советскими воинами, павшими в те дни. Могила находится на окраине села Тарнаментария, в небольшом скверике рядом с собором.

Советские воины, расквартированные в Венгрии, помогли нам найти эту могилу.

Важно было не только найти могилу с прахом первооткрывателя Иультинского месторождения, но и выяснить, как он воевал, каков был личный вклад Миляева в Победу. К сожалению, живых свидетелей его фронтовых дел нам разыскать не удалось. Зато в Центральном архиве Мини-

стерства обороны СССР сохранились документы, свидетельствующие о том, что лейтенант Миляев был действительно храбрым воином.

Так, в книге регистрации выдачи наград личному составу 767-го Сегедского полка сделана запись, что приказом по 53-й армии за № 04/Н от 9 января 1945 года лейтенант Миляев Владимир Николаевич награжден орденом Красной Звезды. Графа о номере орденового знака прочеркнута, потому что приказ вышел через месяц после гибели Миляева.

Сохранились также выписки из приказов Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина с объявлением благодарностей за взятие городов Бухареста, Сегеда и Эгера.

В архивах Министерства обороны СССР не сохранилось документов об обстоятельствах гибели лейтенанта Миляева, но из «Истории второй мировой войны 1939—1945 годов» (т. 9) известно, что в начале декабря 1944 года проходил завершающий этап чрезвычайно трудной Будапештской операции — шли ожесточенные бои на подступах к столице Венгрии, в которых с обеих сторон участвовало свыше 70 стрелковых моторизованных и танковых дивизий. Особенно ожесточенные сражения в это время происходили на участке фронта, где наступал 767-й Сегедский полк. Здесь под Эгером, на узком участке фронта восточнее Будапешта, чтобы попытаться остановить продвижение наступающих частей 2-го Украинского фронта, гитлеровское командование сосредоточило мощные силы группы армий «Юг», состоявшие из 35 дивизий (в том числе 9 танковых моторизованных) и трех бригад.

На подступах к Будапешту фашисты создали сильную и глубокую оборону, состоявшую из трех подковообразных обводов. 2 ноября части 2-го Украинского фронта были на подступах к Будапешту, но ворваться в город с ходу не смогли. Выполняя указания Ставки, 2-й Украинский фронт в период с 11 по 26 ноября усилил натиск, но и на этот раз овладеть городом советские войска не смогли. Перебросив

подкрепления на угрожаемый участок, противник с 7 декабря стал предпринимать сильные контратаки.

Вот во время первой, наиболее ожесточенной контратаки, предпринятой гитлеровцами рано утром 7 декабря, и погиб В. Н. Миляев, отражая натиск врага.

Бои за Будапешт на участке наступления 767-го Сегедского полка были настолько напряженными, что не было времени и возможности ежедневно подбирать и хоронить убитых. Поэтому в братской могиле на окраине села Тарнасентмария захоронены останки бойцов, погибших за время с 7 по 16 декабря 1944 года, то есть за целую неделю. При перезахоронении в эту же могилу погребены останки двух солдат, погибших еще раньше — 9 ноября 1944 года.

На надгробном обелиске обозначены поименно все захороненные здесь воины:

Старший лейтенант
РУБИНШТЕЙН Александр Иосифович
погиб 16.12.1944 г., 1920 года рождения

Старший лейтенант
КЕСТЕР Владимир Константинович
погиб 16.12.1944 г., 1901 года рождения

Лейтенант
МИЛЯЕВ Владимир Николаевич
погиб 7.12.1944 г., 1906 года рождения

Младший лейтенант
СИДОРОВ Александр Степанович
погиб 16.12.1944 г., 1924 года рождения

Старший сержант
БЕЛЫЙ Николай Яковлевич
погиб 13.12.1944 г., 1924 года рождения

Рядовой
ЛИСИЧКИН Александр Иванович
погиб 15.12.1944 г., 1902 года рождения

Рядовой
ПАЛЬЧИКОВ Митрофан Владимирович
погиб 9.11.1944 г., 1906 года рождения

Рядовой
КОСВАН Филипп Ефимович
погиб 13.12.1944 г., 1920 года рождения

Рядовой
БОЛЬЧЕВ Иван Степанович
погиб 11.12.1944 г., 1908 года рождения
Рядовой
ШМАКОВ Яков Поликарпович
погиб 14.12.1944 г., 1907 года рождения
Рядовой
ЕРМАКОВ Степан Павлович
погиб 9.11.1944 г., 1908 года рождения

Приводится здесь список полностью в надежде, что кто-либо из читателей обнаружит таким образом место захоронения своего родного, близкого или знакомого человека. Сообщаем также, что братская могила, в которой похоронен лейтенант Миляев Владимир Николаевич, находится в селе Тарнасентмария, расположенном в 20—25 километрах западнее города Эгер (область Хевеш, ВНР). Хочется пожелать, чтобы северяне, совершающие туристические поездки по Венгрии, посещали эту братскую могилу и возлагали на нее цветы, как дань уважения памяти Миляева и похороненных вместе с ним советским воинам.

Очень хотелось нам найти кого-то из однополчан Миляева и узнать из первых уст о его фронтовом пути и обстоятельствах гибели. И к этому предпринималось немало попыток.

Из архивных материалов 767-го полка выяснилось, что большинство солдат в этом полку было призвано в армию с Украины — из Одесской, Пинской, Станиславской и Черкасской областей. В местных газетах этих областей были опубликованы призывы: «Откликнитесь, однополчане!» Но, увы, прошло слишком много времени после окончания войны. Откликнулся только один одессит, да и тот воевал в 767-м полку уже после гибели Миляева.

В Центральном музее Советской Армии удалось раздобыть адрес Героя Советского Союза гвардии майора Литовченко Степана Ануфриевича, бывшего командира батальона 767-го Сегедского полка, заместителем которого по строевой

части был В. Н. Миляев. Звание Героя Советского Союза Литовченко получил за форсирование реки Тисса, при взятии города Сегед, а ведь Миляев, его заместитель, был в том бою рядом!

Звоню в село Наркльов Черниговской области, где проживал Литовченко, в надежде договориться с ним о встрече, но на переговоры пришла его жена и сообщила печальную весть: ее муж скончался годом раньше.

В поисках однополчан Миляева усердно помогали его брат Лев Николаевич и дочь Валерия Владимировна, но все старания оказались тщетными.

Правда, дочери Миляева удалось разыскать капитана Евдокимова Прокопия Семеновича, который был помощником начальника штаба полка по оперативной части, но, к сожалению, никаких сведений о Миляеве он сообщить не мог, так как прошло слишком много времени и многое не сохранилось в его памяти.

Воевал Миляев на фронте чуть больше года, а прошел с боями путь от Харькова до Будапешта протяженностью свыше 2000 километров. Награжден боевым орденом Красной Звезды, получил три благодарности Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина (за взятие городов Бухарест, Сегед и Эгер). В этот же период наступательных операций 2-го Украинского фронта 767-й стрелковый полк, в котором он сражался и был удостоен почетного наименования «Сегедский».

Позже, уже после гибели Миляева, его полк участвовал в освобождении Словакии и закончил боевой путь на подступах к городу Брно. Здесь однополчане Миляева встретили День Победы — 9 мая 1945 года, а он не дожидаясь этого дня пять месяцев!

В конце войны за образцовое выполнение заданий командования 767-й Сегедский полк был награжден полководческим орденом Суворова третьей степени.

Вот, пожалуй, и все, что удалось узнать о боевом пути лейтенанта Миляева Владимира Николаевича. И хотя этот

путь оказался не столь уж долгим, как впрочем и вся его жизнь, Миляев успел проявить себя храбрым воином.

Но тем, кто знал Миляева в жизни, хотелось бы мысленно увидеть его таким же всеми уважаемым фронтовиком, какими мы привыкли видеть сейчас ветеранов Великой Отечественной войны — увенчанных многочисленными знаками воинской доблести и славы. Для этого мысленно вообразим, что 7 декабря 1944 года Миляев закончил свой боевой путь, но не погиб. С какими бы военными отличиями он предстал сейчас перед нами?

Ответить на этот вопрос помогли работники магаданского военкомата. Проследив боевой путь Миляева, они сказали, что, кроме ордена Красной Звезды, на его груди мы увидели бы еще не менее семи знаков воинской доблести и славы, а именно: медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», «За взятие Будапешта», юбилейные медали «XX лет со дня Победы», «XXX лет со дня Победы», «XL лет со дня Победы», «Участник Великой Отечественной войны» и, может быть, другие фронтовые награды, которыми он мог быть награжден, но которые не нашли своего адресата. Это возможно, ибо Миляев участвовал во многих ответственных военных операциях, а часть их постоянно находилась в наступлении.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Фронтовой путь лейтенанта Миляева прост и ясен, хотя в деталях и не известен.

Сложнее понять и уяснить всю важность и значимость трудовых свершений геолога Миляева.

Напомню о некоторых открытых им месторождениях.

В некогда безводной Голодной степи, которая давно уже так не называется, эксплуатируются согни и тысячи артезианских скважин и колодцев, дающих живительную влагу хлопковым и рисовым плантациям, многотысячным отарам

совхозных и колхозных животноводческих ферм, крупным городам и заводам. Открытие подземных морей в Голодной степи, сделанное геологом Яковлевым при активном участии Миляева еще в 1927—1933 годах, позволило буквально преобразить пустыню на всем огромном ее пространстве от Байконура до Балхаша и от Чимкента до Джезказгана.

Разрабатываются и открытые Миляевым россыпи золота в Приморье — на реке Селимдже и в Казахстане — на Южном Алтае.

Недавно сообщалось в газетах, что и оловорудные месторождения в Туркестанском хребте тоже разрабатываются.

Но, конечно же, самым крупным детищем Миляева является Иультин.

Не многие знают, что открытие Иультина в 1937 году по своему значению стоит вровень с открытиями таких месторождений более позднего времени, как алмазов в Якутии, нефти и газа на севере Западной Сибири, золота на Чукотке и другими, которые теперь принято называть «открытиями века».

Невольно возникает вопрос: что было бы, если бы Миляев не открыл Иультинское месторождение в июле 1937 года?

Вероятнее всего была бы потеряна уже пошатнувшаяся к тому времени вера в «легендарные точки Серпухова» и уменьшился бы интерес к оловоносности Чукотского полуострова. В этом случае все внимание было бы обращено только на ближайшие окрестности Певекского полуострова, что резко сужало бы район поисковых работ и отодвинуло бы решение жизненно важной народнохозяйственной проблемы.

Открытие Иультина подтвердило прогнозы о промышленной оловоносности всего Чукотского полуострова и придало новый импульс всей проблеме!

Напрашивается еще вопрос: а могли бы найти Иультин без Миляева?

Конечно, нашли бы! Но только не в 1937 году, а гораздо

позднее. И тогда бы это открытие не сыграло столь важного значения в победе над фашистской Германией. По мнению всех без исключения геологов, знавших Миляева, он был самым опытным поисковиком, самым трудолюбивым и, как говорят, «дотошным» исследователем. Такой мимо месторождения не пройдет! Такой не будет строго следовать предписаниям свыше, если видит, что поиски направлять надо в другой район. Именно так он и поступил, когда, судя по его записям в дневнике, обосновал бесперспективность поисков в верховьях Якитики и наоборот — большие перспективы на открытие месторождения в левобережной части Амгуэмы, которую он успел частично обследовать в 1936 году и где обнаружил явные признаки оловянно-вольфрамового оруденения.

Другие геологи экспедиции (Ю. А. Одинец и А. Г. Шпилько) с самого начала были нацелены на поиски «точек Серпухова», то есть на проведение поисковых работ в верховьях Якитики и Чантальвевергина, более чем за сто километров западнее Иультина. Поэтому дойти до Иультина в 1937 году они просто не успели бы.

Важно указать и еще на одно обстоятельство, сыгравшее положительную роль в открытии Иультина Миляевым. Речь идет о том, что работа экспедиции планировалась только в бассейнах рек, и границами района работ считались водоразделы. Миляев же не придерживался этого предписания, когда видел, что геологические особенности района и прямые поисковые признаки ведут через водораздел. Так получилось в случае с Иультином. Миляев вышел за пределы отведенного ему для поисков района бассейнов Якитики и Амгуэмы и спустился в бассейн реки Иультин, текущей прямо на север, к лагуне Тэнкергинпильгын.

Кроме того, не следует игнорировать и тот факт, что Миляев работал с предельным напряжением сил и не щадил ни себя, ни товарищей, когда надо было буквально исползывать крутые склоны глубоких распадков, чтобы обнаружить признаки оруденения. Именно так он и поступил, ког-

да они дошли до истоков ключа Медвежьего и увидели там много кварцевых жил, гранитов и роговиков. Вспомните, в дневнике он написал, что они оставили палатку и груз в этом распадке и занялись детальным осмотром склонов. Это было сделано в самом конце многодневного маршрута, когда обычно притупляется наблюдательность и мало остается сил.

Таковы «слагаемые» успехов Миляева, таковы подлинные обстоятельства открытия Иультина, которое вполне правомерно было бы назвать открытием века для тридцатых годов.

И вот, сделав такие крупные открытия, Миляев за это ничего не получил. А мы знаем, что еще при жизни Миляева все другие геологи, открывавшие или разведовавшие оловянные месторождения на Чукотке и Колыме, были удостоены высоких правительственных наград, в том числе и за Иультин. Через год после гибели Миляева на фронте первооткрыватели крупнейших оловянных месторождений Северо-Востока СССР были удостоены Государственных премий СССР. Были и другие поощрения за то же, но среди награжденных фамилии Миляева, к сожалению, нет.

Случилось это, по-видимому, потому, что сказались пресловутые «ведомственные барьеры», так как к награждению представлял Дальстрой, а Миляев фактически в системе Дальстроя не работал, а позднее его уже не было в живых.

Для сравнения можно привести тот факт, что за открытие соседних с Иультином гораздо менее крупных месторождений — Светлого и Солнечного их первооткрыватель женщина-геолог Л. М. Шульц совершенно заслуженно награждена в 1943 году орденом Трудового Красного Знамени!

Было бы справедливым и созвучным с нашим временем наградить Миляева за Иультин посмертно.

И ярким доказательством увековечения памяти геолога В. Н. Миляева является работающий в далеком Заполярье

Иультинский горно-обогатительный комбинат имени В. И. Ленина — крупнейшее современное оловодобывающее предприятие страны, один из прославленных флагманов цветной металлургии СССР. А рядом с Иультинской «горой», как доверительно называют иультинцы свое месторождение, вырос большой благоустроенный рабочий поселок городского типа. Стройными рядами вдоль прямых улиц возвышаются добротные четырех- и пятиэтажные кирпичные дома, в которых уровень комфорта ничуть не ниже любого города страны.

Есть в поселке и улица, носящая имя В. Н. Миляева. Она протянулась вдоль речки Иультинки. И на этой улице находится прекрасный рабочий профилакторий, который летом наполняется веселыми голосами детворы, потому что на время летних каникул взрослые отдают его пионерам и школьникам. На этой же улице прекрасный Дом быта, общежитие горняков, просторные ясли и детский сад. Северным концом улица Миляева примыкает к центральной площади, на которой стоит поселковый клуб. Перед клубом, почти в центре площади, возвышается на постаменте бюст Владимира Ильича Ленина, имя которого носит Иультинский горно-обогатительный комбинат.

На стене первого от площади дома по улице Миляева укреплен мемориальная доска, на которой обозначено, что эта улица названа в честь первооткрывателя Иультинского месторождения.

В Иультинской средней школе создан музей боевой и трудовой славы иультинцев, в котором должное место отведено материалам о Миляеве. Ребята старших классов переписываются с дочерью Миляева Валерией Владимировной, собирают документы об ее отце, разыскивают его однополчан.

Здесь же, в поселковом клубе, как уже упоминалось, на одной из стен зала портрет Миляева, написанный масляными красками. Создал его по заказу Иультинского ГОКа заслуженный деятель культуры Казахской ССР художник

Алексей Ильич Бортников, который был близким другом Миляева со школьных лет.

Первооткрывателю Иультина посвящены специальные стенды в краеведческих музеях Магадана и Анадыря, в фондах этих музеев уже собрано много документов и других материалов о жизни и деятельности Миляева, заведена персоналия. Работа эта не прекращается и будет продолжаться, так как она имеет важное значение для воспитания подрастающего поколения на примерах героического прошлого, на примерах первопроходцев нашего края, среди которых в одном из первых рядов стоит геолог Владимир Николаевич Миляев.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе	5
К предыстории Иультина	7
Впечатления детства	14
Приобщение к геологии	20
С Памира — в Арктику	38
Чукотский дневник Миляева	55
Возвращение в Москву	90
Снова на Иультин!	96
Фронтные дороги Миляева	107
Вместо эпилога	120

Герман Борисович Жилинский ОЛОВЯННЫЕ ГОРЫ ГЕОЛОГА МИЛЯЕВА

Серия «Первопроходцы»

Выпуск 12

Редактор Л. А. Савельева
Художественный редактор Б. Д. Зевин
Технические редакторы Н. С. Стаменова, К. И. Болдырева
Корректоры В. И. Огрызко, Л. Р. Панкова

ИБ № 614

Сдано в набор 13.05.85 г. Подписано к печати 21.10.85 г. АХ—00581. Формат 70×108/32. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 5,6, вкл. 0,35. Усл. кр.-отт. 6,3. Уч.-изд. л. 6,12. Тираж 15 000 экз. Заказ 665. Цена 20 к.
Магаданское книжное издательство, 685000, Магадан, пр. Ленина, 2.
Магаданская областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Магаданского облисполкома, 685000, Магадан, пл. Горького, 9.

Жилинский Г. Б.

Ж72 Оловянные горы геолога Миляева.— Магадан: Кн. изд-во, 1985.— 127 с., ил.— (Первопроходцы; вып. 12).

20 к. 15 000 экз.

Эта книга посвящена геологу, открывшему в 30-е годы на территории Восточной Чукотки первое крупное месторождение олова и вольфрама, доблестному защитнику нашего социалистического Отечества в грозные годы Великой Отечественной войны — Владимиру Николаевичу Миляеву.

Ж 0505040000—035
М—149(03)—85 43—85

26.325 г

20 коп.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ

Выпуск
12

Магаданское книжное издательство

